

Открылась сессия Верховного Совета СССР

Вчера в Москве, в Большом Кремлевском Дворце, открылась очередная, пятая сессия Верховного Совета СССР. В ее повестке дня:

1. Проект Закона о государственных пенсиях.
2. Просьба Верховного Совета Карело-Финской ССР о преобразовании Карело-Финской Советской Социалистической Республики в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику и о включении ее в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.
3. Об обращении Верховного Совета СССР к парламентам других стран по вопросу о разоружении.
4. О Заявлении Верховного Совета СССР в связи с обращением Японского парламента по поводу запрещения ядерного оружия и прекращения его испытания.
5. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей был заслушан доклад Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина о проекте Закона о государственных пенсиях.

МНЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ О ПРОЕКТЕ ПЕНСИОННОГО ЗАКОНА

Пятая сессия Верховного Совета СССР среди других дел должна обсудить и утвердить проект Закона о государственных пенсиях. В связи с этим наши корреспонденты обратились к ряду депутатов с просьбой ответить на следующие три вопроса:

1. Как вы встречаете в своем избирательном округе проект нового Закона о государственных пенсиях?
2. Что сделали вы как депутат для сбора поправок и предложений избирателей?
3. Каким образом вы думаете довести до сведения сессии эти поправки и предложения?

Ниже печатаем ответы депутатов.

Чистяков Виктор Николаевич Всенародное одобрение

1. Проект Закона о государственных пенсиях встречает в моем избирательном округе с исключительным воодушевлением и одобрением. Я заявляю это, основываясь на множестве фактов. Возьмите хотя бы город Быкусы (Арзамасская область) и, в частности, Выпускной металлургический завод, где я работаю в листопроточном цехе. Сначала у нас прошли многолюдные митинги, на которых все выступавшие отмечали, что проект закона является еще одним очень ярким проявлением заботы партии и правительства о советском народе. Потом проект закона читали в цехах, обсуждали, вносили предложения.

2. Я как депутат провел много бесед со своими избирателями на эту тему, собрал их мнения. Вот что рассказал, например, старейший мастер проточника Федор Иванович Агеев. Ему давно пора на пенсию, но прежний размер пенсии не мог обеспечить всех его нужд. Теперь он перешел на более облегченную пенсию для его возраста.

Кярвер Крстьян Аугустович Вопрос, возникший у эстонцев

1. Думаю, нет необходимости подробно отвечать на первый вопрос. Из сообщений печати уже известно, что у нас в Эстонии, так же как в любой другой союзной республике, проект нового пенсионного закона встретил всеобщее одобрение. Да и как могло быть иначе, ведь правительство предлагает значительно увеличить размеры пенсий!

2. Проект обсуждался по всей Эстонии. Я работаю бригадиром каменщиков в Таллине и могу заверить, что как среди строителей, так и вообще во всем моем избирательном округе не было, наверное, человека, который не присутствовал бы при чтении проекта или при обсуждении его на собраниях. Вот лежит передо мной блокнот, в который я аккуратно записывал все поправки и предложения.

Гоголь Анна Григорьевна Забота о тружениках

1. Законопроект о государственных пенсиях принят у нас с огромной радостью и воодушевлением, как новое проявление неустанной заботы партии и правительства о народе.

2. Я как депутат и заведующая отделом социального обеспечения Станиславской области участвовала в организации множества собраний, на которых изучался проект закона.

Вот некоторые предложения, которые выдвигались на этих собраниях. «Матерям-героиням» пенсии по

Конева Агния Ивановна Два предложения

Мне как депутату много раз приходилось и раньше слышать от избирателей требования о пересмотре пенсионного закона. На Костромском законодательном собрании Ленин, где вот уже 34 года я работаю ткачихой, многие старые работницы, начиная трудовую жизнь подростками, справедливо сетовали на элементы неравенства при выдаче пенсий, их малые размеры и т. д.

Новый законопроект, в корне улучшающий пенсионное дело, буквально взволновал все взрослое население Костромы и был воспринят как большой праздник. Повсюду на предприятиях были организованы громкие чтения, по-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 82 (3583) Четверг, 12 июля 1956 г. Цена 40 коп.

Молодежь шахтерского края

МНОГО ДОРОГ расходятся из Сталино во все стороны. Забыты те старые чумацкие шляхи, по которым на волах возили славянскую и крымскую соль. Где-то здесь затерялся тот почтовый тракт, давным-давно распаханный или залитый асфальтом, по которому чеховского Егоруху везли учиться.

Высокая гора Саур-Могила одиноко стоит среди неоглядных просторов, словно сторожит отроги Донецкого края. Но с ее вершины открывается взору совсем иные картины. Куда ни глянешь, повсюду видны трубы заводов, шахтные копры, терриконы — эти безмолвные свидетели великого шахтерского труда. Ночами холмы, долины буквально залиты огнями. Когда из домен выпускают шлак, небо над металлургическими заводами озаряется багрянцем.

День и ночь на железных дорогах Донбасса движутся длинные составы везут уголь, металл, машины. Оживленно на автодорогах. У переездов нередко образуются заторы машин. Люди шутят: «Как в Москве».

Вот группа молодых веселых парней заполняет автобус; на полу — горы рюкзаков и чемоданов; новое пополнение рабочих едет на шахту.

В старину в Донбасс шли орловские, курские да смоленские бедняки-крестьяне. Нужда держала нищего крестьянина на шахте, если даже рухнула надежда добыть счастье.

Теперь в Донбасс идет молодежь из специальных школ, из колхозов, из армии — по организованному набору; по призыву комсомола — с предприятий и из десятилеток. Сюда едут, как на целину, с горячей готовностью совершать подвиги. Работать под землей и теперь тяжелее, чем на заводе или в сельском хозяйстве. Шахтеру нужна и смеливость, и смекалка, и выносливость, и ловкость, и физическая сила. Но это и привлекает молодых людей. В подземном труде много романтики.

Поначалу здесь нелегко, особенно девушкам. Вале Пчельниковой только 20 лет; в 1954 году в Орле она окончила десятилетку, около года жила у родителей, тосковала, не зная, что делать. Кто-то надушил девушку поехать в Донбасс, и здесь ее увлек шахтерский труд. Поступив на шахту имени Лутугина, Валя стала помощником заальщика.

— Поработать года два на шахте, приобрести практические навыки и поступить в горный техникум или в институт, а потом снова вернуться сюда... — говорит девушка.

Вот такой человек никогда не уйдет с шахты. Квалифицированный шахтер, особенно тот, чей труд связан с техникой, — врумашинист, забойщик, машинист комбайна, машинист электровоза, — не променяет свою профессию ни на какую другую.

Но вот стоит на перекрестке одинокая фигура. Безусый парнишка. На плечах — ватник, на голове — ушанка. У ног — деревянный чемодан. Парень «голосует», желая остановить машину. Лицо будто знакомое. Не его ли я видела вчера в общежитии?

— Здорово! Буда держишь путь?

— До дому, — отвечает неохотно он, глядя в сторону. Молодой шахтер покинул шахту. Так бывает частенько: один — на шахту, другие — с шахты. На знаменитой гордовской «Чоцгарке» в январе этого года приняли на работу 134 человека, а уехало 156. На шахте имени Лутугина в Чистяково за 1955 год было принято 977 рабочих, а уехало 900. Такая же примерно картина на ряде макевских шахт. За один год состав рабочих почти целиком меняется. Да можно ли при таком положении двигать вперед угольную промышленность? Чтобы осуществить задачи, поставленные XX съездом партии, следует прежде всего подумать о кадрах рабочих.

Почему молодежь не оседает на шахтах?..

Есть еще на многих шахтах работы, хотя и важные и очень нужные, но как бы возвращающиеся к прошлому, когда уголь добывали тяжелым физическим трудом. Профессия навалобойщика — все еще вудящая профессия, она сулит большой заработок, однако молодежь не любит ее, потому что одному навалобойщику является лопата. Не менее значительной и важной является работа крепильщика. Крепильщик орудует топором, и молодые рабочие тоже неохотно берутся за это дело. А то вот еще специальность — лесогон. Он навешивает крепельные стойки в вагончики да раскладывает их в лаве. Лич-кач-лесогон не скажет: «Мы доставляем в лаву дрова», но обязательно: «Мы гоним лес», притча за удаляю досуду; перспективизм это та профессия шахтера не открывает.

Навалобойщики, крепильщики, лесогонцы задерживаются на шахтах неохотно; нет творческого интереса в работе. Чаще всего это люди рождения 1930—1932 годов, которым война помешала учиться. На «Чоцгарке» из четырех с половиной тысяч рабочих больше половины имеет начальное образование. Сейчас они еще могут найти применение своим силам, а когда в лавы придут новые машины, многие рабочие будут вынуждены покинуть шахту из-за недостатка образования. Поэтому нельзя не думать о будущем этой части молодых рабочих. Нужно создать для них перспективы, чтобы шахтерский труд они полюбили лучше.

Правильно делают органы народного образования, переводя вечерние школы на двухсменную работу. Это дает возможность шахтерам учиться. Руководители шахты «Чоцгарка» пошли еще дальше: они организовали занятия по общеобразовательным предметам в общежитиях.

Правда, еще не все рабочие понимают пользу учения. Спросишь иную: — Почему не учиться? — А зачем? Швыряй лопатой уголь я могу, не зная физики да математики. Да и учиться шахтеру нелегко. Работа отнимает много сил.

Но больше всего ему мешают так называемые «сперсживанья» в шахте. Дело в том, что не всегда шахтер находит свое рабочее место подготовленным; свои восемь часов он не может использовать с полной нагрузкой. Сначала простаивает, а потом «жмет», прихватывая сверх восьми часов еще часик, только бы выполнить норму. В шахте имени Лутугина в прошлом году хронометрировали подземные работы. Оказалось, что в лаве рабочие все профессии работали производительно 5—6 часов из 8. Машинисты электровозов простаивали около половины рабочего времени из-за плохого состояния путей. А в шахте люди находились более восьми часов из-за несоразмерности горного надзора и разных организационных неурядиц. Пока поднимается человек наверх, пока вымоется в бане, поедает — вот и опоздал в вечернюю школу...

До сих пор еще мало внимания обращается на быт молодых шахтеров.

На пути из Сталино в Макеевку тридцатье года назад были поля совхозов. Теперь там возле новых шахт построены поселки: домики для рабочих, общежития. Зайдем в молодежное общежитие, расположенное за шахтой «Ганзовка-2». Глянешь через окно во двор: кучи мусора, какие-то угощие сараи. Глянешь через другое окно в степь: кладбище. А что представляют собой наши донецкие кладбища, известно: глиняные холмики открыты всем степным ветрам, ни ограды, ни деревьев. Да и какому равнодушному бюрократу взбрело на ум отвести землю под кладбище рядом с шахтерским общежитием!

Многие рабочие перешли на шахту из колхозов правобережной Украины, из родных уртин хат с мальвами в полисадниках.

Хлопцы жаждутся:

— Шахта новая, механизированная, а общежитие образца 1913 года. Обидно. Спортплощадки нет. — Хотя бы бильярд поставили да посадили под окнами деревьев.

— А вы бы сами посадили деревья.

— А оно — мое? Сегодня я здесь, а завтра уеду.

«Оно — не мое». Пожил, поднакопил денюжку — и в отлет в родные места. Там могилы дедам, там милые сердцу семейные традиции. Там все обжитое, родное. Там не станешь ругать председателя колхоза или комсорга за то, что под окном у тебя сор, а сам уберешь его, сам посадишь цветы.

«Оно — не мое!» Даже в хороших, уютных общежитиях (а таких немало) молодые рабочие нередко чувствуют себя «пржижвалящим» временом.

Откуда эта неприязнь к дому, в котором живешь, к той земле, которая кормит тебя? Откуда это барство у рабочей молодежи?

Во многом виноваты партийные и особенно комсомольские организации, которые по форме как будто занимаются воспитанием молодых рабочих, а по существу растят барчуков. Ребят опекают на каждом шагу, не требуют от них инициативы в организации своего досуга и быта.

Спрашиваю комсомольцев шахты «Ганзовка-2»:

— Как вы проводите выходные дни?

— Танцуем да ходим в кино.

Спрашиваю об этом же комсомольцев «Чоцгарки», лутугинцев. Отвечают:

— Ходим в кино да танцуем.

— А в художественной самодеятельности участвуете?

— Да нет, мало. Некому организовать.

— Спорткомсамаетеся?

— Не-е. Товарищ Галущка даже турника не поставил.

О чем бы ни заговорили, виноватым в недостатках оказывается или комсорг или заместитель начальника шахты тов. Галущка.

Много справедливого в той критике, какую молодые рабочие обрушивают на плохих организаторов их досуга — воспитателей, комсоргов, клубных работников. Но почему сами они такие инертные? Не сама ли организация жизни причудит их к этому? Уборщина запрятывает постель, выметет окурки, выгнет пыль на мебели, а у жильца никаких обязанностей. Переспал, погрел в красном уголке в домино, насорил, напачкал — и был таков: мол, плачу денюжки и вправду жить на всем готовом.

Случается, что молодежь и хочет что-то сделать, да «опекуны» не дают проявить инициативу. Девушки с шахты имени Лутугина хотели вышить скатерти и тарганы для общежития, просили купить полотна. Но начальники шахты предпочли купить готовые скатерти, да такие грубые, что девчата отказались покрывать ими столы.

— Не думайте, что у нас нет вкуса.

В общежитиях живут люди разных национальностей — русские, украинцы, молдаване, туркмены, белорусы, грузины, — люди с разным жизненным опытом, привычками. Один любит на досуге читать, другой берет гитару, третий пристрастился к картишкам; один деликатен и выдержан, а другой вынул себя, что шахтер без крепкой ругани и воляки — не шахтер.

Эту разнородную массу надо влить в рабочий коллектив, воспитать. Есть и такие, кого надо перевоспитать, отучить

НАШИ ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

ИНТЕРЕС К СОВЕТСКОЙ КНИГЕ

Недавно возвратился из поездки во Францию, Англию и Бельгию А. Змеул — председатель Всесоюзного объединения «Международная книга», которое, как известно, осуществляет продажу за рубежом советских книг, газет, журналов, грампластинок, мажорк и одновременно закупает для советских читателей западные издания.

— Задача, которая стояла передо мной, — сказал тов. Змеул моему корреспонденту, — заключалась в установлении личного контакта с руководителями крупных книгоиздательских и торговых фирм этих стран. Сейчас возникли новые возможности для установления деловых связей с различными капиталистическими издательствами.

А. Змеул отметил растущий спрос на советскую книгу. Об этом свидетельствует, в частности, успех выставок советской книги во Франции и Бельгии. Особенно большой популярностью пользуется наша детская литература. Существующее всего два года парижское издательство «Фарандоль» стремится удовлетворить этот спрос, выпускает сейчас различные произведения советских писателей для детей, причем издает их с большим вкусом и на высоком полиграфическом уровне. Эти книги пользуются успехом в Англии и Бельгии. Среди крупных буржуазных книжных объединений, которые сейчас активизируют свою работу по распространению советских изданий, находится известная французская книжная фирма «Ашет». С ней «Международная книга» договорилась о дальнейшем распространении во Франции наших книг и периодических изданий.

В Англии издательства увеличивают выпуск произведений

переведенных произведений советских писателей, а также подписывают контракт на пять лет с одной крупной английской музыкальной фирмой «ЭМИ» («Электрическая и музыкальная промышленность»). Согласно этому контракту «ЭМИ» получает так называемое «право первой руки», то есть не исключительное, а предпочтительное право на выпуск пластинок с последними музыкальными записями, сделанными в СССР, — симфонической, камерной музыки, солистов и т. д.

Теперь о Бельгии. И здесь советская книга пользуется таким же успехом. Выпущенные на французском и фламандском языках «Украинские народные сказки», «Руквички» и другие детские книги были быстро раскуплены. Изданный на фламандском языке повесть Горького «Фома Гордеев» разошлась очень большим для этой страны тиражом.

Далее А. Змеул сообщил, что за рубежом пользуются сейчас большим спросом советские издания для туристов. В Париже, Лондоне и Брюсселе к нему обратились с предложением организовать продажу советских открыток, туристских книг и альбомов.

Наконец, в ходе переговоров был решен вопрос и о продаже советских марок. Эта новость, вероятно, обрадует многих иностранных филателистов.

В заключение беседы А. Змеул сообщил, что на днях подписан договор о покупке «Международной книгой» всех экспонатов выставки французской книги, которая открывается 13 июля в Киеве. Они передадутся Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, а также ряду технических и медицинских библиотек.

ОБМЕН ПУТЕВКАМИ НА ОТДЫХ

Это будут не совсем обычные поездки. В июле Лига просвещения — одна из авторитетнейших организаций Франции, содействующая улучшению образования в стране, присылает к нам отдыхать пятьдесят учителей. В свою очередь, такая же группа советских учителей едет во Францию. Каждый советский учитель оплачивает 24-дневное пребывание в нашем доме отдыха, а тот, в свою очередь, — его отдых во Франции.

Рассказывая об этой интересной форме отдыха учителей, председатель ЦК профсоюза работников просвещения И. Гринков сообщил некоторые подробности.

— У Лиги просвещения, — сказал он, — имеются свои, несколько покромные на наши дома отдыха. Советские педагоги будут отдыхать здесь в кругу товарищей по профессии, получат возможность близко познакомиться с ними. Наши друзья наметили интересную программу для гостей. Советские учителя проведут некоторое время под Парижем, а затем переедут в Шамони (Альпы) и на Лаурное побережье, в Ментону, что под Ниццей. Свой отдых наши гости проведут под Москвой и Ленинградом. В обоих случаях намерены экскурсия, посещение школ, знакомство с постановкой работы органов народного просвещения. Среди педагогов, едущих во Францию, — москвичи, ленинградцы, сталинградцы, воронежцы, представители других городов.

И. Гринков рассказал далее о том, как развиваются различные формы зарубежных связей советских учителей.

Мы являемся, — сказал он, — членами Международной федерации и профсоюз работников просвещения, которая сотрудничает с другими международными объединениями. Советские учителя последовательно борются за укрепление единства профсоюзов, за всемерное расширение связей с профессиональными организациями различных направлений. Можно считать, что достигнуты уже некоторые сдвиги, в частности, установлены личные контакты между руководителями многих профессиональных объединений. В нынешнем году мы приехали делегации руководящих работников профсоюзов учителей Франции, Англии и Италии. Мы продолжали углублять наши братские связи с профсоюзами стран социалистического лагеря.

Можно привести немало примеров, свидетельствующих о глубоком интересе зарубежных организаций к постановке просвещения в СССР. И. Гринков показал нашему корреспонденту небольшую, красочно оформленную книгу «Дети Советского Союза», изданную в Японии. Вот история ее возникновения. Не так давно одно из японских издательств обратилось к советским организациям с просьбой помочь создать книгу о положении детей в СССР, причем авторами этой книги должны были быть сами дети. В Японии были отпущены сочинения, рассказы и стихи детей, их рисунки. Сопровождал все это краткими и выразительными комментариями, издательство выпустило книжку. Она пользуется сейчас в Японии большим спросом и с одинаковым интересом читается как детьми, так и взрослыми.

МОДЕЛИ ИЗГОТОВЛЕННЫ В БОЛГАРИИ

Едва успела закрыться выставка английских мод в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, как в этом раз павильон украшен демонстрацией достижения своей легкой промышленности.

Лучшие торговые и промышленные предприятия республики прислали образцы мужской, женской и детской одежды, вязаных вещей, трикотажных, меховых, кожаных и других изделий, выполненных по модем 1956/57 года.

Осматривая экспозицию в павильоне можно с утра до вечера, а дважды в день, как и на английской выставке, происходит демонстрация живых моделей. Болгарская выставка имеет не только эстетическое, но и большое практическое значение. Эта демократичная по стилю, строгая и элегантная одежда соответствует советскому образу жизни.

Практический характер выставки заключается в том, что записи в книгах отзывов дадут возможность представителям болгарской промышленности изучить вкус советских граждан и отобрать для экспорта в СССР именно те образцы, которые получают наилучшую оценку. Руководители болгарских и советских торговых предприятий уже заключают контракты на поставки изделий для Советского Союза в 1957 году.

На снимках: в демонстрационном зале выставки. Фото Н. Ситникова.

Долго и обстоятельно рассказывал мне старый кожевник о выделке кожи, об истории этого дела. Он беседник показывал кусочки кожи и тут же пояснял: Вот это замша, ее можно стирать, поэтому она так и называется «моющаяся кожа».

Б. ГИЗАТУЛЛИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Мокрый цехов имеют шесть для размешивания жидкостей, багры и клеши для вываливания шкур, тележки, которые нужно толкать тоже руками.

Меня поразило и отсутствие хорошей, мощной вентиляции в цехе. Сушильное хозяйство завода неплохое. А постоянного притока свежего воздуха и отсоса вредных испарений в зольном цехе нет.

На другой же день я пошел на один из казанских кожевенных заводов. Просторный и светлый цех отделился завода имени Ленина. От юфты, тишеной под шагрень, исходит острый запах новой кожи.

Кожевенное производство имеет свою специфику. Основные процессы здесь называются «мокрыми». Шкура отмачивается, промывается, погружается в известковое молоко, в кислотные-солевые растворы.

Не успел я открыть дверь зольного цеха, как тут же убедился, что цех мокрый в буквальном смысле этого слова. Под расшатанными досками деревянного пола хлюпала вода, и при неосторожном шаге из-под половиц поднимались грязные брызги и фонтанчики.

Перед нами тянется целая батарея больших, ничем не прикрытых чанов. В них шкуры обрабатываются известковым молоком — прохлывают так называемую зольку.

В зольном цехе есть и машины. Но они настолько несовершенны, что после них без ручной доработки шкуру не обшить. По соседству с машинами стоят средневековые колоды, на которых при помощи обыкновенных вос чистят «япцо».

Вот так, оказывается, через чай-колоду и идет работа. Единственное подобающее место для этих чанов, колод и вос — это краеведский музей. Но колода настолько крепко вросла в деревянный пол завода, что даже одержала верх в своеобразной «дуэли» с машиной.

Вот так, оказывается, через чай-колоду и идет работа. Единственное подобающее место для этих чанов, колод и вос — это краеведский музей. Но колода настолько крепко вросла в деревянный пол завода, что даже одержала верх в своеобразной «дуэли» с машиной.

тов. Зато в крохотном цехе есть деревянные чаны, колоды и «тушки». Опять «тушки».

Сотрудники института — конструкторы сетуют на то, что отсутствие опытной базы сковывает их работу.

У нас есть предложения, проекты, — говорят конструкторы, — но они, как правило, остаются лишь на бумаге. Мы лишились возможности проводить широкую экспериментальную работу.

За последние годы институт разработал и направил технологические задания или требования на проектирование 68 новых аппаратов, машин и агрегатов. Из этого количества заданий 48 до сих пор не реализовано, осталось на бумаге. Многие из них, конечно, устарели, не успев принести пользы.

Годы проходят от разработки технологического задания до создания первого образца машины, не говоря уже о серийном выпуске. В 1947 году по конкурсу были приняты схемы проходных машин: прокатной и медальной. Через год были разработаны технологические задания и эскизно-технические проекты.

В течение последующих двух лет были изготовлены экспериментальные образцы. До конца 1954 года продолжались испытания и доводка прокатной машины, которая по предварительным расчетам должна в 7—8 раз повысить производительность труда. На всю эту канитель ушло восемь лет.

Периоды отсиделись от чанов и колод. А что же придется делать кожевенным заводам? Ведь из всего оборудования, имеющегося в кожевенном производстве, можно оставить без изменений или модернизировать лишь около 35 процентов. А остальная часть безнадежно устареет.

Шестая наша пятилетка знаменует начало нового скачка в развитии социалистической промышленности. Это — пятилетка небывалого бурного технического прогресса, широкого внедрения новой, высшей техники и автоматизации. Переворот должен быть совершен и в кожевенной промышленности.

В техническом управлении Министерства легкой промышленности СССР мне рассказали о перспективе перевооружения кожевенной промышленности новой техникой.

К концу 1957 года надеемся получить от машиностроителей первую автоматическую линию. Мы испытаем ее, а в 1958 году закажем вторую линию.

— Нет, колоды пока еще будут. Сейчас объявлен конкурс, может быть, он поможет решить эту проблему.

Смелая конструкторская мысль, дерзание и новаторство должны, наконец, смети допотопные орудия труда на кожевенных заводах и проложить туда столбовую дорожку высшей техники.

Кожевник в белом халате — вот мечта, которая должна осуществиться в самый короткий срок.

Казань — Москва

Правдивые рассказы

Многие говорят и пишут о том, насколько пагубно на творчестве писателей сказывается слишком ранний отрыв от среды, где они трудились всю предшествующую часть своей жизни.

Но есть и другие. Можно назвать людей, уже давно печатающих свои произведения, которые, однако, продолжают активно работать по специальности. В Новосибирском институте работает доцент С. П. Залыгина.

Произведения С. Залыгиной — это рассказы очевидца, художественные записки активного участника жизни, но все, о чем С. Залыгина говорит, он видел своими глазами. А видел С. Залыгина многое.

Почти половину книги С. Залыгина «Очерки и рассказы», вышедшей в прошлом году в издательстве «Молодая гвардия», занимает серия очерков «Весной 1954 года».

Вокруг незначительного события автор искусно развертывает повествование, знакомит нас с рядом запоминающихся характеров. Писатель нарисовал цельный и сильный образ директора МТС Башлакова — страстного и горячего работника сельского хозяйства, который не боится вступить в конфликт с районными руководителями.

Рассказы С. Залыгиной повествуют о людях самых различных профессий и национальностей, в них показана жизнь в разных широтах — от полярной станции до сельскохозяйственного района.

Хорошее в жизни

В книге чувашского писателя Хведера Ура «На реке Сох» (Чувашиздат, Чебоксары, 1955) — пять рассказов и один очерк. Они написаны в разное время и на разные темы; о событиях Великой Отечественной войны, о жизни послевоенной чувашской деревни, и о переселенцах из Чувашии на Сахалин.

«Сомов и другие», быть может, самый характерный спектакль Свердловского театра. В режиссуре В. Битюцкого здесь особенно выразительно умение театра использовать всякую возможность художественного постижения человека во всем его эмоциональном и интеллектуальном богатстве.

Сомов и другие. Битюцкий. Свердловский театр. Режиссура В. Битюцкого. Актеры: Сомов, другие.

Сомов и другие. Битюцкий. Свердловский театр. Режиссура В. Битюцкого. Актеры: Сомов, другие.

тундре на оленях упряжках, работу в колхозе, на дохранилище нового канала. Все его описания коротки, лиричны и очень точны.

С. Залыгина — хороший психолог и умеет говорить о них теплым, душевным тоном, передавая с виду незаметные, но важные черточки поведения своего героя.

Ни один из рассказов С. Залыгиной нельзя назвать «произвольным», но главная тема всех его произведений — это прежде всего труд советского человека. С хорошим вкусом и чувством меры С. Залыгина называет труд. Автор славит повседневную работу советских людей, так называемые «малые дела», которые, как известно, и составляют основу жизни.

Рассказы С. Залыгиной всегда динамичны, в них мало действия и некоторые скорее можно назвать очерками. Но это нужные и интересные очерки, в которых есть острая мысль и добрая улыбка автора.

Жаль, что в книге этого серьезного, вдумчивого писателя допущены некоторые ошибки. В рассказе «На Большую землю» указано, что действие происходит на «высокогорной полярной станции». На самом же деле таких станций не существует.

В южных районах страны есть высокогорные (1000 и больше метров над уровнем моря) метеорологические станции. На севере работают полярные метеорологические станции. Жизнь как на них, так и на других пунктах интересна и своеобразна, но они расположены в разных широтах и не имеют между собой ничего общего.

М. СИНЦЕВ, метеоролог, МОСКВА

— Здесь будем строить ГЭС. Константинов везет с собой охотничьи ружья, ящик со слесарными инструментами. Но он, кроме того, странный садовод-мишуринец.

То же хорошее любопытство к жизни, хозяйское отношение к ней раскрывает Ура и в рассказе «Письмо», «Ночлег в Крулгове». Персонажи рассказа «Письмо» — сторож мельницы дед Эрхи, пчеловод дед Лаврасс и пожилая колхозница Чулуна.

Этот очерк посвящен Ура писателю Н. Д. Телешову, автору «Самоходов» и не случайно. Чувашинский писатель подчеркивает разницу между нашими советскими переселенцами и теми, кто в прежнее время шел в Сибирь «за счастьем», а находясь по-прежнему на дороге.

Приехавшие из разных концов Советского Союза молдаване и белорусы, чуваш и мордвинцы будут работать в колхозах, в животноводческом совхозе, на предприятиях и в учреждениях.

Несколько слов о том, что мне не нравится в сборнике. Это прежде всего недостаточно строгий отбор произведений: сюда попал слабый рассказ 1939 года «Песня», очень неудачен один из рассказов о войне — «Смерть на болоте».

И. ДАВЫДОВ

«День мира»

Почти двадцать лет тому назад по инициативе Максима Горького была издана книга «День мира».

Она отражала события одного дня во всем мире, сохранила богатый фактический материал, была хорошо оформлена и в свое время пользовалась большим успехом.

Сейчас, когда международная напряженность и острота уменьшилась, когда «ледок» между Востоком и Западом начинает таять, когда налаживаются культурные связи между народами социалистического и капиталистического мира, именно сейчас хорошо было бы вновь приступить к изданию книги «День мира».

Думается, что систематическое издание «Дня мира» сдружило бы тысячи писателей и журналистов из всех уголков нашей планеты, а миллионы и миллионы простых людей узнали бы о жизни народов других стран.

ЛЕНИНГРАД

Чувство ответственности

С некоторых пор у нас вошел в обиход термин «учреждения искусства». Наименование это мелькает в редакциях культуры, в ведомственных приказах и циркулярах, проникает на страницы газет.

К. РУДНИЦКИЙ

ему надлежит узнать. Эта обстоятельность, серьезность подхода к человеку, к его судьбе — одна из характернейших черт искусства свердловчан.

Образ Ромодана в пьесе А. Корнейчука «Брылья» в свое время озадачил режиссера и актеров. Центральный герой произведения, бесспорно, положительный герой, поступал и говорил во всех случаях жизни и правильно и только. Но его положительность была безлична, его правильность не обнаруживалась в определенном индивидуальном характере.

Литературная газета

Чувство ответственности

С некоторых пор у нас вошел в обиход термин «учреждения искусства». Наименование это мелькает в редакциях культуры, в ведомственных приказах и циркулярах, проникает на страницы газет.

К. РУДНИЦКИЙ

ему надлежит узнать. Эта обстоятельность, серьезность подхода к человеку, к его судьбе — одна из характернейших черт искусства свердловчан.

Образ Ромодана в пьесе А. Корнейчука «Брылья» в свое время озадачил режиссера и актеров. Центральный герой произведения, бесспорно, положительный герой, поступал и говорил во всех случаях жизни и правильно и только. Но его положительность была безлична, его правильность не обнаруживалась в определенном индивидуальном характере.

Литературная газета

1. Вряд ли кто-либо спорит тот факт, что в литературной жизни нашей после Второго съезда писателей еще не наметился оживившийся резкий поворот в творческом дискурсе, что серьезные проблемы искусства не ставятся на обсуждение общественности. Но думается, что обстоятельство это не из разряда легко объяснимых. Бывают такие периоды в истории литературы, когда на существенные и бурные по характеру своему внутренние процессы духовной жизни общества искусство отвечает кажущимся молчанием. Именно — кажущимся.

Было бы ошибочным (как это по странной инерции еще часто делается в практике) не замечать, что в жизни нашего общества произошли и происходят глубокие, плодотворные сдвиги, общий смысл которых ясен каждому думающему человеку. Восстановление ленинских принципов демократизма, искоренение последствий антинародного культа личности и в сфере искусства еще не раз потребуют заинтересованного, бережно-требовательного вмешательства общественности. Прокатиться на общей фразе и потопить в общей фразе живое, реальное дело по улучшению жизни и атмосферы жизни народ не позволит.

Не благие намерения, а изучение обстоятельств, которые задерживают движение литературы и ускоряют ее ход, — вот путь «взглянуть» на литературу со стороны общественности.

Литература наша, отражая широкие жизненные процессы, самовластно и неумолимо набирает силы для могучего подъема, свидетелями которого мы, возможно, будем уже в недалеком будущем. Кажущееся молчание литературы означает раздумье перед большим горизонтом, распахнувшимся перед ней. Нельзя сказать, что он, этот горизонт, безоблачен, но видимость непогоды, а для тех, кто собрался в дальний путь, — это главное. Погода для поэзии летняя!

Сейчас, как никогда, быть может, нужна и важна сама творческая практика. Еще во время Отечественной войны А. Толстой писал, что в искусстве нашем зреет настоятельная потребность поисков перехода в новое качество. Время реализации нового качества литературы наступило.

«Еще не все поведены итоги», — как сказал поэт, но итоги могут подождать, жизнь же не ждет, литература — тоже.

Разные роды литературного оружия идут сейчас в разных эшелонах, а глубина эшелонирования чересчур большая. Возьмем критику. Я думаю, что общественно-политический, ползательный смысл очеркового творчества В. Овечкина, Г. Тропольского, В. Тендрова в самой методологии критики по-настоящему не освоен. Каноны и сканованность тут еще держат свои позиции крепко. А в поэзии, наряду с отчаянным явлением частного порядка (проявление творческого многообразия), все еще значительный тормозит дело связанность лирики логическими понятиями рамками ее «возможностей».

В последнее время повелось ругать поэзию за одическую интонацию, за общие слова, а хвалить — за конкретность и теплоту лирики. Но все это — те же общие слова! Мелкотемье иных «разумных» заставляет уже сейчас быть тревогу, «конкретная» и «теплая» лирика явно нуждается в повышении градуса гражданского накала.

Слишком часто поэтическое слово становится легким. А в таком состоянии оно подпадает неумолимой способности испариваться. Его надо нагружать смыслом.

Говоря о будущем поэзии, ростки которой мы различаем уже сегодня, нужно иметь в виду определенные реальные требования. И адресовать эти требования (или, точнее сказать, пожелания) в первую очередь тому вершинному, что есть в сегодняшней поэзии.

Среди лучших, на мой взгляд, поэтических достижений последних двух лет в разной степени значительных и по-разному показательных — лирика А. Твардовского и его же главы из поэмы «За далью — даль», стихи Леонида Мартанова, Б. Слуцкого, главы из повести в стихах Я. Смелякова «Строгая любовь».

Имя Ярослава Смелякова, поэта яркого дарования, хорошо известно читателям. Недавно складывалась творческая биография поэта, трудно — личная. Стихи Смелякова отличаются неповторимым колоритом, но принцип поэтики чем-то родственен манере таких поэтов, как, скажем, М. Светлов, отчасти Э. Вагнерицки. Общее у них — интонация характерного слана романтической напряженности речи с просторечием лексикой, пристрастие к строчному сюжету, емкий предметный эпитет, экономная смелая метафора. Стих Смелякова отягачает большая, нежная у М. Светлова, твердость, доходящая до ритмической жесткости. Ирония и шутка Смелякова скупее и не так магичны, как у автора «Сказки» и «Рабфактовке». Смеляков — поэт гражданской складки. Его лучшие стихи — стихи о времени. Мы помним его стихотворение «В Миссолоунской низине...» — волнующий документ большой души русского человека, которому близки идеи интернациональной солидарности; помним синопическую девочку с венком из полевых цветов, одиетворяющую в прекрасном, истинно русском по духу, образе Советскую Россию — родину мира и справедливости («Аленушка»). В таких стихах Смелякова, как «Нам герб», мы видели умение поэта подняться до высокой символической, не утрачив при этом ни реальной достоверности изображения, ни горячего пульса жизни.

И в главах из повести в стихах «Строгая любовь» («Октябрь», № 12, 1955 год) Я. Смеляков верен своей манере письма. Но есть в ней и нечто новое. Это новое, пришедшее, вероятно, не без грустной помощи душевного опыта, судьбы, но бывавшей поэта благополучным и стихом, — трудно доставшая зрелость. Стихи Смелякова приобрели сосредоточенную раздумчивость, не свойственную ему раньше мягкость интонации, широту дыхания, музыкальную напевность. Что очень подкупает в стихе Смелякова, так это какалято, если можно так выразиться, несуетность. Слова ложатся естественно, «незаметно», скромно. (Между прочим, это у каждого по-своему, но у всех от полноты «ясности» в поэте: так и у Твардовского, и у Мартынова, и у Слуцкого).

Уже с первых строк повести мы включаемся в мир поэзии Смелякова, где простота, скромность, внимание к судьбе простого человека — не поза, не дань времени, не общая «тема», а самое современное души поэта, внутренняя тема поэта. Отвечая на этот вопрос, вспомним стихи Смелякова этого года — «Переулочек» («Новый мир», № 5), «Не на пляже и не на «зиме» («Звезда», № 3). Это стихи о праве на счастье, на уважение человека, внешне незаметно, о ценности каждой отдельной личности, если она слитна с обществом в его честном, благородном служении идее освобождения человечества. И глухой переулочек со старенькими, покосившимися домиками живет, оказывается, большой, новой жизнью общего строительства. И в мысленной цене, над которой склонилась уставшая от забот женщина, поэт может разглядеть солнечную радугу — ответ душевной, неброской женской красоты. И если в этом стихотворении враг моральной и эстетической прямо не назван, то в «Переулочек» он появляется в виде чистого, простого, «бездельника», который робко обходит котлованы нового здания... Не обязательно, чтобы враг нового присутствовал в стихотворении, но, появившись он в нем, враг должен почувствовать полную свою чуждость миру поэта!

Наличие злого адреса, свое, выношенное, если не выстраданное, слово правды о том, что обществу и значительной в жизни, — вот путь истинного мастера в искусстве. С этого начинается «поиск скупого зерна» поэзии — слова, ритма, интонации, образа. Вот что значит тождество слова Фету: «Добывайте золото просеиванием».

2. Но вспомнить повнимательнее в технику мастерства Смелякова. Вот рифма. Не первая по важности вещь в поэзии. Но существенная.

От темна и до темноты пыль невидимую стирала, пересаживала цветы, шила, стирала и стирала.

«Стирала» и «стирала» — рифма тавтологическая. В другом месте и у другого поэта она могла бы показаться искусственно изощренной. Но здесь она уместна, мало того — органична. В первом случае производное от слова «стереть», во втором — «выстирать». Обратите внимание: хотя понятия, ими выражаемые, различны, это слова одного образного порядка. И то и другое — глаголы трудового действия, слова, стремящиеся к одной, сходной цели. Они подчеркивают и контекстом (пересаживала, шила, стирала), они усилены указанием явления частного порядка (проявление творческого многообразия), все еще значительный тормозит дело связанность лирики логическими понятиями рамками ее «возможностей».

В последнее время повелось ругать поэзию за одическую интонацию, за общие слова, а хвалить — за конкретность и теплоту лирики. Но все это — те же общие слова! Мелкотемье иных «разумных» заставляет уже сейчас быть тревогу, «конкретная» и «теплая» лирика явно нуждается в повышении градуса гражданского накала.

Слишком часто поэтическое слово становится легким. А в таком состоянии оно подпадает неумолимой способности испариваться. Его надо нагружать смыслом.

Говоря о будущем поэзии, ростки которой мы различаем уже сегодня, нужно иметь в виду определенные реальные требования. И адресовать эти требования (или, точнее сказать, пожелания) в первую очередь тому вершинному, что есть в сегодняшней поэзии.

Среди лучших, на мой взгляд, поэтических достижений последних двух лет в разной степени значительных и по-разному показательных — лирика А. Твардовского и его же главы из поэмы «За далью — даль», стихи Леонида Мартанова, Б. Слуцкого, главы из повести в стихах Я. Смелякова «Строгая любовь».

Имя Ярослава Смелякова, поэта яркого дарования, хорошо известно читателям. Недавно складывалась творческая биография поэта, трудно — личная. Стихи Смелякова отличаются неповторимым колоритом, но принцип поэтики чем-то родственен манере таких поэтов, как, скажем, М. Светлов, отчасти Э. Вагнерицки. Общее у них — интонация характерного слана романтической напряженности речи с просторечием лексикой, пристрастие к строчному сюжету, емкий предметный эпитет, экономная смелая метафора. Стих Смелякова отягачает большая, нежная у М. Светлова, твердость, доходящая до ритмической жесткости. Ирония и шутка Смелякова скупее и не так магичны, как у автора «Сказки» и «Рабфактовке». Смеляков — поэт гражданской складки. Его лучшие стихи — стихи о времени. Мы помним его стихотворение «В Миссолоунской низине...» — волнующий документ большой души русского человека, которому близки идеи интернациональной солидарности; помним синопическую девочку с венком из полевых цветов, одиетворяющую в прекрасном, истинно русском по духу, образе Советскую Россию — родину мира и справедливости («Аленушка»). В таких стихах Смелякова, как «Нам герб», мы видели умение поэта подняться до высокой символической, не утрачив при этом ни реальной достоверности изображения, ни горячего пульса жизни.

Владимир ОГНЕВ

Большие ожидания

В конфликт с миром поэзия по-прежнему в повести тема пошлости «бютона великодушество», успокоенно, залывающего жирком «совместности». Эти два начала сталкиваются в повести по-разному, и следы стычек отражены в самой образной ткани.

Поэт хочет сказать, что его героиня воспитывалась не на «красивых» чувствах комнатного мира, она знала ную «пламенную страсть» — страсть служения идее коммунизма.

Прельщали ее новостройки России и голову быстро кружил, как индустриально-стальной карнавал индустрии безвзвучных в ту пору экранов кино.

В предыдущих строках этой главы Смеляков с добрым, сочувственным юмором показал содержимое лизяжкого портфеля «из свирепого лжекрокодила» (любительский снимок домы, стихи Маяковского, книжка МОИП и другие полюбившие вещи), присовокупил: «...не было там... бесстыжной помады». Однако из того же словесного ряда, где «бесстыжая помада», поэт берет «презалиши», «голову... кружил, как вино», «нарнавал», но презалиши это «новостройки России», но «чугунно-стальной» карнавал, но вскружил голову карнавал «индустрии». Так в остроумном переосмыслении слов в новом ряду Смеляков добился экономного образного контраста двух мировоззрений, точнее, двух противоположных систем жизни: потребительской, обывательской и трудовой, творческой.

У каждого хорошего поэта есть своя, так сказать, «малая эстетика». Это предоминантное эстетическое воззрение художника в каждой клеточке художественной ткани. Если говорить о Смелякове, то его «малая эстетика», обусловленная характером внутренней темы и характером конфликта в главах из повести «Строгая любовь», отмечена завидной цельностью.

3. И все-таки в разговоре со Смеляковым по большому счету, исходя из современных задач поэзии, хочется опровергнуть некоторые существенные стороны авторской поэтики, которая определила именно таню, а не иной тон повествования. Тут я выхожу за пределы исполнения и вторгаюсь в область замысла.

Широкий взгляд на явление предполагает всестороннюю оценку его. В повести «Строгая любовь» несколько прямолинейно сталкиваются теза (суровые, пуританские черты и героичность героев) с антитезой (успокоившаяся, оттаявшие их потопки).

Тон и дело сталкивает Смеляков тяжелый, железный, хмуро-сдержанный стиль подростка 20-х годов с испитыми то «раслабляющей» любви, то уступкой бесхитрому уюту «старого мира». Но слава, пролетая железной паче, которая связала «пять частей земли», — это еще не все, что требуется от поэта. Хотелось бы почувствовать: для автор «главное» — то новое, невиданное в истории, что зарождалось на одной шестой планеты, — человеческое общество, созданное волей и энергией миллионов тружеников, восторженно зажженных ленинскими идеями чистой и честной трудовой жизни. Пафос пеломудренной и дружеской любви у молодежи 20-х годов — разве это эстетизм мальчиков, постигших в идею? Да нет же! Революция развела огромный запас минеральной энергии народа и сама была бы невозможна без этого. Сила атома — ничто по сравнению с силой народа, пробужденного к сознательной исторической жизни. Не эстетизм, а естественная, непосредственная в своем порыве целеустремленность, сосредоточенность страсти на главном, общественном, в невероятных трудных условиях быта — вот что поразительно в поколении энтузиастов 20-х годов! Это было не милой наивностью. Над этим стоит не столько изобретать, хотя бы и с добродушной теплотой в голосе, сколько призадуматься. Дело гораздо сложнее. Достойно быть упомянуто подвигом воли это массовое, в высшей степени сознательное отречение от личной выгоды. Особенно, если учесть, что веками аккумуляировалась энергия народа, и, прорвавшись в революцию, она (вопреки предсказаниям «длинноволосых витий» старой интеллигенции) не стала ни выхрем, ни смерчем, ни выгой. А ведь именно разгула революции боялся даже те передовые интеллигенты, кто приветствовал ее очистительную мощь.

Мне кажется, что и эта и другие проблемы нуждаются в более углубленной, более «сегодняшней» трактовке.

И в 20-е годы было написано немало на тему, положенную в основу «Строгой любви». По-разному, но это же боренье «жесткой» идеи со стихией «запрещенного» чувства мы находим и в «Мемете» Гладкова, и в «Соти» Леонова, и в «Гравюре на дереве» Лаврентева, и в «Улыбавшине» Сельвинского. А уж что говорить о второстепенной литературе, которая просто мусолила эту тему!

От современного писателя мы вправе ожидать более глубокого вторжения в область духовной жизни человека 20-х годов. От «Строгой любви» в процессе развития ее сюжета (ведь повесть не закончена печатанием) ждешь исторических прозрений, смелых прорывов в современность, большей дальновидности и внятности обобщений о дне сегодняшнем, коль уж какие-то линии сопоставлений его со днем вчерашним оказались намеченными в повести. Ведь не спор же о праве на личный уют занимал поэта!

Забрехала тема иная: человек «маленький» и «сдержанные заботы» государства. Но погосла, не разгоревшись, не получив сжиганного кислорода. Возвоблавно, настоятельно прочитай мы пятую главу, которой заканчивается отрывок. Врезалось в память:

В тусклых зеркальцах прошлых дней с зыбкой точностью отражалась жизнь, что, право, куда сложней, чем до этого нам казалась.

Жизнь много сложнее схемы жизни. Это уже важный вывод. Но можно ли удовлетворяться этим выводом? Нет. Сегодня, когда мы, каждый из нас, на собственной судьбе и судьбе нашего общего дела имеем возможность удостовериться в том, что действительность сложнее любой схемы, мы ждем от поэзии нового слова о самой этой сложной жизни нашего общества, бурного века нашего.

Это большие ожидания. И адресованы они как Я. Смелякову, так и всей нашей поэзии.

Начало творческого пути

РИГА (Наш корр.). Зрители, смотревшие фильм «На новом берегу», помнят, вероятно, артиста У. Лиеддыка — исполнителя роли Айвара. В то время, когда снимался фильм, он был еще студентом театрального факультета Государственной консерватории Латвийской ССР. Совсем недавно рижане могли увидеть его в спектаклях «Чайка» А. Чехова и «В огне» Р. Блаумена. Эти дипломные спектакли, поставленные и сыгранные выпускниками, были переданы по рижскому телевидению.

Теперь молодые артисты приняты в состав труппы латвийских театров. У. Лиеддык будет работать в Художественном театре имени Я. Райниса; там же начинает свой артистический путь И. Алерман.

Во время просмотра работ дипломников было отмечено разностороннее дарование молодой актрисы Анны Круминь, выступившей в роли Маши («Чайка» А. Чехова) и Бьянки («Хорошие студенты» В. Шекспира). Ее специально предложено вступить в труппу Театра юного зрителя имени Ленинского комсомола.

В Ташкенте состоялся III пленум правления Союза писателей Узбекской ССР. 6 июля, в день открытия пленума, в зале заседаний Союза писателей собралось около четырехсот человек. Здесь были писатели Ташкента и областей республики, группа московских литераторов, работники ЦК КП Узбекистана, деятели искусства, преподаватели литературы. С докладом о состоянии и задачах узбекской советской литературы в свете решений XX съезда КПСС выступил Ш. Рашидов.

На пленум собрались указания XX съезда партии о литературе, Ш. Рашидов, приводя конкретные примеры, говорил о том, что сила советской литературы — в ее высокой идейности, в ее служении народу, в правдивом, высокохудожественном отображении нашей действительности.

Узбекская литература советских лет, сказал Ш. Рашидов, создала немало произведений, завоевавших любовь читателей. Это произведения Айбека, А. Каххара, П. Турсуна, А. Мухтара, С. Боридина, Мирмухсина, это пьесы Г. Гуляма, Зульфии, Уйгуна. Хорошую пьесу «Настоящая любовь» недавно написал молодой драматург А. Якубов. Заметны успехи узбекской детской литературы. Но, к сожалению, еще нельзя сказать, что узбекская литература полностью удовлетворяет требованиям современности. Нормы нашей жизни — ленинская правдивость и принципиальность — требуют откровенного разговора о положении нашей литературы. Надо признать, что у нас появляется много произведений сырых, скучных, безвзвучных. В качестве «истинной лирики» нам зачастую преподносится мещанская идиллия. Высокую гражданскую поэзию иногда подменяют высокопарными дирамабами и одами, искажающими действительность и — нечего скрывать — оскорбляющими честь и совесть советского читателя.

В чем же, говорят тов. Рашидов, причины, порождающие в нашей литературе низкопробные, недолговечные произведения? Одна из главных причин — поверхностное знание жизни и творческая инертность некоторых писателей.

Поэт и драматург Уйгун написал пьесу «Последнее раскаяние». Впервые в узбекской драматургии он поднял важную тему интеллигенции. Но с темой этой, именно из-за поверхностного знания материала, писатель не справился. Образы героев — в том числе и образ главного героя Бурхана Каюмова — оказались незавершенными. Драматургу надо еще много поработать над пьесой.

Немалый вред нашей литературе культуры личности. Он породил лакировку действительности, бесконфликтность; ослабела требовательность и утверждался литературный штамп.

Узбекский писатель И. Рахим дал читателям свой первый роман «Истоки жизни». Законченность и сила некоторых образов, некоторые мастерски написанные эпизоды говорят о больших творческих возможностях И. Рахима. Но роман безнадежно испортили фальшь, лакировка, идеальное изображение жизни колхозников. Грешит лакировкой и повесть Х. Назира «Огни Кор-Ара».

В романе Н. Бирюкова «Воды Нарына» идет речь о строительстве Большого Ферганского канала, созданного за 45 лет трудом 160 тысяч человек и протянувшегося на 270 километров. А народа-героя в романе автор почти не видит, не говоря об этом прямо, автор приписал все заслуги двум личностям — Усаму Юсупову и Тишабаю Мирзаеву.

Особенно большой ущерб культуре личности нанес нашей поэзии. Место полноценных поэтических произведений самых различных форм стали занимать высокопарные стихи, переполненные однообразной и трескучей риторикой. Вспомним, например, последний сборник стихов Т. Тулы, вышедший в 1955 г. За последние два года издано около 20 сборников стихов, но многие из них уже забыты. Сплошные неудачи постигли тех, кто работал в жанре поэмы. «Долгие молодости» Назармат, «Смена» П. Мумина, «Песни долины» С. Акбарова не принесли читателям радости. Сказались схематичными, иллюстративными. Между тем узбекская поэзия имеет все возможности подняться на более высокую ступень. Об этом свидетельствуют лучшие произведения последних лет: «Мой сын» Зульфии, «Темные очки» Мирмухсина, лирическая поэма молодого поэта Д. Фаиза «Стихи дружбы» и другие.

До сих пор мы встречаемся, продолжает Ш. Рашидов, с попытками индивидуальной творческой индивидуальности. Иные наши критики и редакторы, какие бы произведения ни попадали в их руки, с какими бы писателем они ни разговаривали, всегда предлагают одинаковые рецепты, а проще говоря, штампы. Произведения же оригинальные, сохраняющие индивидуальные творческие особенности писателя, считаются недопустимыми отклонением от раз навсегда установленных канонов. Иногда такие произведения стараются замянуть, не пустить к читателю. Это случалось, например, с талантливым романом А. Мухтара «Сестры» — его не печатали свыше полутора лет.

В узбекской литературе появилось много новых имен, много талантов. Но мы, говорит докладчик, еще слабо поддерживаем их. Президиум Союза писателей Узбекистана, по предложению председателя правления А. Каххара, ликвидировал комиссию по работе с молодыми писателями. Это серьезная ошибка. Нужно воссоздать эту комиссию, включить в ее состав самых опытных мастеров, любящих литературную молодежь, могущих обогатить молодых писателей заблаговременными советами.

Мы, заявляет Ш. Рашидов, вправе предъявить серьезные претензии Союзу писателей СССР и его комиссии по работе с молодыми. Ни от союза в целом, ни от этой комиссии молодые писатели Узбекистана этой помощи не получают. Писатели Москвы и других городов редко бываю у нас. Безразлично относятся к изданию произведений молодых писателей Узбекистана центральные издательства «Советский писатель» и «Молодая гвардия».

Говоря о состоянии узбекской литературной критики и литературоведения, Ш. Рашидов отметил некоторые их успехи, но указал, что литературная критика все еще не достаточно влияет на развитие литературы, слабо помогает писателям. Статьи и рецензии, публикуемые в республиканских и областных газетах и журналах, неглубоки и поверхностны.

Литературоведы и фольклористы часто занимают беспринципную, ненаучную позицию. Это, в частности, немало способствовало несправедливому осуждению замечательного узбекского эпоса «Алламыш».

Большая вина, большая ответственность за недостатки узбекской литературы лежат на Союзе писателей республики. Наш литературный центр оказался ниже уровня своих задач. Руководители союза не заботились о создании творческой обстановки и дошли до того, что ликвидировали творческие секции. Вся работа с писателями была переложена на консультантов.

В Ташкенте состоялся III пленум правления Союза писателей Узбекской ССР. 6 июля, в день открытия пленума, в зале заседаний Союза писателей собралось около четырехсот человек. Здесь были писатели Ташкента и областей республики, группа московских литераторов, работники ЦК КП Узбекистана, деятели искусства, преподаватели литературы. С докладом о состоянии и задачах узбекской советской литературы в свете решений XX съезда КПСС выступил Ш. Рашидов.

На пленум собрались указания XX съезда партии о литературе, Ш. Рашидов, приводя конкретные примеры, говорил о том, что сила советской литературы — в ее высокой идейности, в ее служении народу, в правдивом, высокохудожественном отображении нашей действительности.

Узбекская литература советских лет, сказал Ш. Рашидов, создала немало произведений, завоевавших любовь читателей. Это произведения Айбека, А. Каххара, П. Турсуна, А. Мухтара, С. Боридина, Мирмухсина, это пьесы Г. Гуляма, Зульфии, Уйгуна. Хорошую пьесу «Настоящая любовь» недавно написал молодой драматург А. Якубов. Заметны успехи узбекской детской литературы. Но, к сожалению, еще нельзя сказать, что узбекская литература полностью удовлетворяет требованиям современности. Нормы нашей жизни — ленинская правдивость и принципиальность — требуют откровенного разговора о положении нашей литературы. Надо признать, что у нас появляется много произведений сырых, скучных, безвзвучных. В качестве «истинной лирики» нам зачастую преподносится мещанская идиллия. Высокую гражданскую поэзию иногда подменяют высокопарными дирамабами и одами, искажающими действительность и — нечего скрывать — оскорбляющими честь и совесть советского читателя.

В чем же, говорят тов. Рашидов, причины, порождающие в нашей литературе низкопробные, недолговечные произведения? Одна из главных причин — поверхностное знание жизни и творческая инертность некоторых писателей.

Поэт и драматург Уйгун написал пьесу «Последнее раскаяние». Впервые в узбекской драматургии он поднял важную тему интеллигенции. Но с темой этой, именно из-за поверхностного знания материала, писатель не справился. Образы героев — в том числе и образ главного героя Бурхана Каюмова — оказались незавершенными. Драматургу надо еще много поработать над пьесой.

Немалый вред нашей литературе культуры личности. Он породил лакировку действительности, бесконфликтность; ослабела требовательность и утверждался литературный штамп.

Узбекский писатель И. Рахим дал читателям свой первый роман «Истоки жизни». Законченность и сила некоторых образов, некоторые мастерски написанные эпизоды говорят о больших творческих возможностях И. Рахима. Но роман безнадежно испортили фальшь, лакировка, идеальное изображение жизни колхозников. Грешит лакировкой и повесть Х. Назира «Огни Кор-Ара».

В романе Н. Бирюкова «Воды Нарына» идет речь о строительстве Большого Ферганского канала, созданного за 45 лет трудом 160 тысяч человек и протянувшегося на 270 километров. А народа-героя в романе автор почти не видит, не говоря об этом прямо, автор приписал все заслуги двум личностям — Усаму Юсупову и Тишабаю Мирзаеву.

Особенно большой ущерб культуре личности нанес нашей поэзии. Место полноценных поэтических произведений самых различных форм стали занимать высокопарные стихи, переполненные однообразной и трескучей риторикой. Вспомним, например, последний сборник стихов Т. Тулы, вышедший в 1955 г. За последние два года издано около 20 сборников стихов, но многие из них уже забыты. Сплошные неудачи постигли тех, кто работал в жанре поэмы. «Долгие молодости» Назармат, «Смена» П. Мумина, «Песни долины» С. Акбарова не принесли читателям радости. Сказались схематичными, иллюстративными. Между тем узбекская поэзия имеет все возможности подняться на более высокую ступень. Об этом свидетельствуют лучшие произведения последних лет: «Мой сын» Зульфии, «Темные очки» Мирмухсина, лирическая поэма молодого поэта Д. Фаиза «Стихи дружбы» и другие.

До сих пор мы встречаемся, продолжает Ш. Рашидов, с попытками индивидуальной творческой индивидуальности. Иные наши критики и редакторы, какие бы произведения ни попадали в их руки, с какими бы писателем они ни разговаривали, всегда предлагают одинаковые рецепты, а проще говоря, штампы. Произведения же оригинальные, сохраняющие индивидуальные творческие особенности писателя, считаются недопустимыми отклонением от раз навсегда установленных канонов. Иногда такие произведения стараются замянуть, не пустить к читателю. Это случалось, например, с талантливым романом А. Мухтара «Сестры» — его не печатали свыше полутора лет.

В узбекской литературе появилось много новых имен, много талантов. Но мы, говорит докладчик, еще слабо поддерживаем их. Президиум Союза писателей Узбекистана, по предложению председателя правления А. Каххара, ликвидировал комиссию по работе с молодыми писателями. Это серьезная ошибка. Нужно воссоздать эту комиссию, включить в ее состав самых опытных мастеров, любящих литературную молодежь, могущих обогатить молодых писателей заблаговременными советами.

Мы, заявляет Ш. Рашидов, вправе предъявить серьезные претензии Союзу писателей СССР и его комиссии по работе с молодыми. Ни от союза в целом, ни от этой комиссии молодые писатели Узбекистана этой помощи не получают. Писатели Москвы и других городов редко бываю у нас. Безразлично относятся к изданию произведений молодых писателей Узбекистана центральные издательства «Советский писатель» и «Молодая гвардия».

Говоря о состоянии узбекской литературной критики и литературоведения, Ш. Рашидов отметил некоторые их успехи, но указал, что литературная критика все еще не достаточно влияет на развитие литературы, слабо помогает писателям. Статьи и рецензии, публикуемые в республиканских и областных газетах и журналах, неглубоки и поверхностны.

Литературоведы и фольклористы часто занимают беспринципную, ненаучную позицию. Это, в частности, немало способствовало несправедливому осуждению замечательного узбекского эпоса «Алламыш».

Большая вина, большая ответственность за недостатки узбекской литературы лежат на Союзе писателей республики. Наш литературный центр оказался ниже уровня своих задач. Руководители союза не заботились о создании творческой обстановки и дошли до того, что ликвидировали творческие секции. Вся работа с писателями была переложена на консультантов.

В усадьбе Щелькино Острогожского района, Костромской области, состоялось торжественное открытие памятника великому русскому драматургу А. Н. Островскому.

На снимке: общий вид памятника А. Н. Островскому.

Фото Ю. Согина

Читают ли стихи на флоте?

Помню, на заседании Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей один из руководящих работников Военного издательства бросил пошутив, пишушему на морские темы, обычные слова:

— Не печатаем вас и других поэтов-маринистов потому, что ваши произведения убыточны, на ваши стихи нет спроса, они плохие.

— А вы изучали этот самый спрос? Есть у вас данные, подтверждающие столь категоричные утверждения? — возразил поэт.

— Конечно, есть! Военкирторг больше трех-пяти тысяч экземпляров не берет. Лежат стихи годами, затовариваются... Поэт обиделся и замолчал. Заседание комиссии продолжалось: в насквозь прокуренным зале заседаний Союза писателей мы обсуждали план Военного издательства. Будучи на партийной конференции Краснознаменного Балтийского флота и проводя беседы с читателями нашего журнала, я решил проверить правильность взаимных претензий и затянувшегося спора между издательством и поэтами. Начал с книжного отдела, работавшего на конференции. В книжку почти совсем не было книг поэтов. Продавцы заявляли: «Стихов нет, нам их не присылают из Москвы».

На другой день я побывал в отделении Военфлота. Там утверждали то же самое. Зашел в библиотеку Дома офицеров Балтийского флота. Это большое культурное учреждение с книжным фондом более 150 тысяч томов. Тут ежедневно бывают сотни читателей-моряков. Работники этой библиотеки ведут большую и полезную культурно-просветительную работу. И все они в один голос заявляют: «Дайте стихи на морские темы, дайте! В большом фонде советской и классической поэзии, насчитывающем более 10 тысяч томов, мы имеем только несколько книг морских поэтов. Военкирторг упорно не дает нам поэзию».

Примерно то же самое в разных вариантах пришлось услышать и на читательских собраниях, проведенных на кораблях и в базовом матросском клубе. Читатели требуют хороших стихов на морские и другие темы. Сборники стихотворений популярных советских поэтов с большим трудом «прорываются» на полки корабельных библиотек и в руки читателей и старшин. Между поэтами и читателями стоит «струг», подчас делаящую гораздо большую политику в издательском деле, чем главные редакторы и директоры издательства.

Судя по тому, что мы наблюдали на Балтийском флоте, Центральная контора Военкирторга совершенно не знает запросов читателей. Сидят люди в Москве, занимают приличное помещение и пишут необоснованные заявки на книги, совершенно не сообразуясь с запросами читателей. Контролируют эту организацию мало, критикуют редко. Видимо, читательские интересы изучаются в единственном магазине Военкирторга на Арбате... Но и там мы обнаружили очень мало старых и новых сборников стихов флотских поэтов. Правда, сейчас Воениздат стал планировать больше стихов и увеличивает их тиражи, но все это — калпа в море по сравнению с запросами читателей-моряков.

Надо скорее убрать рогаки, мешающие творческому сближению читателя и писателя.

П. МУСЬЯКОВ,
редактор журнала «Советский моряк»

Новые книги

Гейне Г. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Перевод немецкого Т. Г. Голтшидтзат. 385 стр. Цена 10 руб. 50 коп.

Бродяков В. Далеко Сафари. Дюма старого названа. Поэма. «Советский писатель». 48 стр. Цена 1 руб.

Грибов А. Сочинения. Голтшидтзат. 798 стр. Цена 11 руб. 80 коп.

Грибов А. И. Рассказы. Авторизованный перевод с белорусского М. Демидовой и М. Чечановского. «Советский писатель». 258 стр. Цена 2 руб.

Доль-Михайлик Ю. Портрет матери. Повесть и рассказы. Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 212 стр. Цена 4 руб.

Луначкин П. Смотри в корень. Фельетоны. Калининское книжное издательство. 156 стр. Цена 1 руб. 45 коп.

Ермолов И. Великая Дуга. Повести и рассказы. «Молодая гвардия». 743 стр. Цена 12 руб. 80 коп.

Черашев Т. Дорога к счастью. Роман. Перевод с английского. Майкоп. Адыгейское книжное издательство. 283 стр. Цена 6 руб. 35 коп.

Лавин Т. Новеллы. Перевод с немецкого. Голтшидтзат. 343 стр. Цена 7 руб. 20 коп.

Мелешин С. Родные люди. Рассказы. «Советский писатель». 228 стр. Цена 2 руб. 70 коп.

Танн М. Новые стихотворения. Перевод с белорусского. «Советский писатель». 143 стр. Цена 4 руб. 20 коп.

Фарбер А. Звезда над последом. Роман. Ростовское книжное издательство. 336 стр. 7 руб. 20 коп.

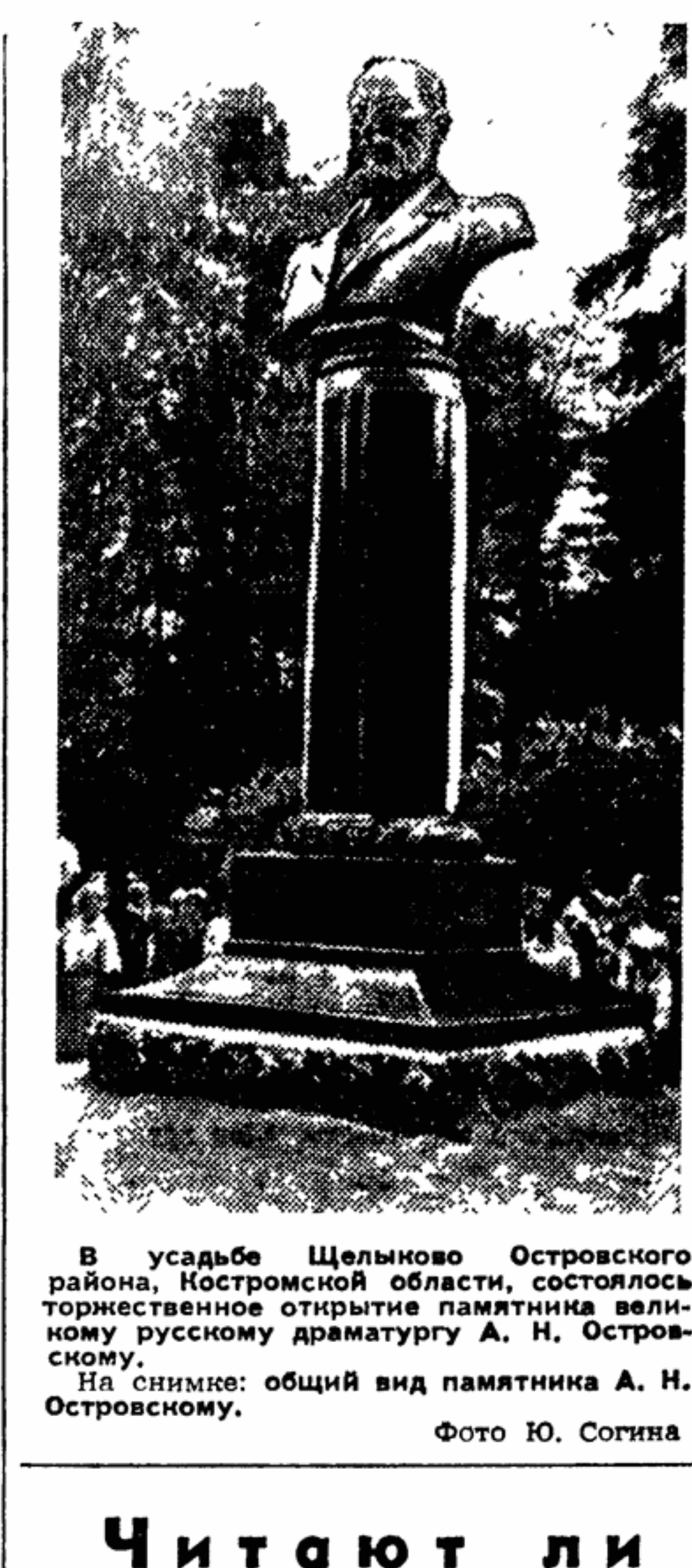
Мамин Г. Наша родословная. Лирика. Валдай. Поэмы. Харьковское областное издательство. 262 стр. Цена 5 руб. 70 коп.

Федорченко С. Детство Семитурова. Роман. «Советский писатель». 344 стр. Цена 5 руб. 75 коп.

Франк Б. Сервантес. Роман. Перевод с немецкого А. Кочеткова. «Молодая гвардия». 238 стр. Цена 4 руб. 90 коп.

Шахов А. Под светлым небом, Повести и рассказы. «Советский писатель». 610 стр. Цена 10 руб. 55 коп.

Шамкин З. Наступило утро. Повесть. Алма-Ата. Нагослитиздат. 170 стр. Цена 4 руб. 85 коп.

В усадьбе Щелькино Острогожского района, Костромской области, состоялось торжественное открытие памятника великому русскому драматургу А. Н. Островскому.

На снимке: общий вид памятника А. Н. Островскому.

Фото Ю. Согина

Читают ли стихи на флоте?

Помню, на заседании Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей один из руководящих работников Военного издательства бросил пошутив, пишушему на морские темы, обычные слова:

— Не печатаем вас и других поэтов-маринистов потому, что ваши произведения убыточны, на ваши стихи нет спроса, они плохие.

— А вы изучали этот самый спрос? Есть у вас данные, подтверждающие столь категоричные утверждения? — возразил поэт.

— Конечно, есть! Военкирторг больше трех-пяти тысяч экземпляров не берет. Лежат стихи годами, затовариваются... Поэт обиделся и замолчал. Заседание комиссии продолжалось: в насквозь прокуренным зале заседаний Союза писателей мы обсуждали план Военного издательства. Будучи на партийной конференции Краснознаменного Балтийского флота и проводя беседы с читателями нашего журнала, я решил проверить правильность взаимных претензий и затянувшегося спора между издательством и поэтами. Начал с книжного отдела, работавшего на конференции. В книжку почти совсем не было книг поэтов. Продавцы заявляли: «Стихов нет, нам их не присылают из Москвы».

На другой день я побывал в отделении Военфлота. Там утверждали то же самое. Зашел в библиотеку Дома офицеров Балтийского флота. Это большое культурное учреждение с книжным фондом более 150 тысяч томов. Тут ежедневно бывают сотни читателей-моряков. Работники этой библиотеки ведут большую и полезную культурно-просветительную работу. И все они в один голос заявляют: «Дайте стихи на морские темы, дайте! В большом фонде советской и классической поэзии, насчитывающем более 10 тысяч томов, мы имеем только несколько книг морских поэтов. Военкирторг упорно не дает нам поэзию».

Примерно то же самое в разных вариантах пришлось услышать и на читательских собраниях, проведенных на кораблях и в базовом матросском клубе. Читатели требуют хороших стихов на морские и другие темы. Сборники стихотворений популярных советских поэтов с большим трудом «прорываются» на полки корабельных библиотек и в руки читателей и старшин. Между поэтами и читателями стоит «струг», подчас делаящую гораздо большую политику в издательском деле, чем главные редакторы и директоры издательства.

Судя по тому, что мы наблюдали на Балтийском флоте, Центральная контора Военкирторга совершенно не знает запросов читателей. Сидят люди в Москве, занимают приличное помещение и пишут необоснованные заявки на книги, совершенно не сообразуясь с запросами читателей. Контролируют эту организацию мало, критикуют редко. Видимо, читательские интересы изучаются в единственном магазине Военкирторга на Арбате... Но и там мы обнаружили очень мало старых и новых сборников стихов флотских поэтов. Правда, сейчас Воениздат стал планировать больше стихов и увеличивает их тиражи, но все это — калпа в море по сравнению с запросами читателей-моряков.

Надо скорее убрать рогаки, мешающие творческому сближению читателя и писателя.

П. МУСЬЯКОВ,
редактор журнала «Советский моряк»

Начало творческого пути

РИГА (Наш корр.). Зрители, смотревшие фильм «На новом берегу», помнят, вероятно, артиста У. Лиеддыка — исполнителя роли Айвара. В то время, когда снимался фильм, он был еще студентом театрального факультета Государственной консерватории Латвийской ССР. Совсем недавно рижане могли увидеть его в спектаклях «Чайка» А. Чехова и «В огне» Р. Блаумена. Эти дипломные спектакли, поставленные и сыгранные выпускниками, были переданы по рижскому телевидению.

Теперь молодые артисты приняты в состав труппы латвийских театров. У. Лиеддык будет работать в Художественном театре имени Я. Райниса; там же начинает свой артистический путь И. Алерман.

Во время просмотра работ дипломников было отмечено разностороннее дарование молодой актрисы Анны Круминь, выступившей в роли Маши («Чайка» А. Чехова) и Бьянки («Хорошие студенты» В. Шекспира). Ее специально предложено вступить в труппу Театра юного зрителя имени Ленинского комсомола.

В Ташкенте состоялся III пленум правления Союза писателей Узбекской ССР. 6 июля, в день открытия пленума, в зале заседаний Союза писателей собралось около четырехсот человек. Здесь были писатели Ташкента и областей республики, группа московских литераторов, работники ЦК КП Узбекистана, деятели искусства, преподаватели литературы. С докладом о состоянии и задачах узбекской советской литературы в свете решений XX съезда КПСС выступил Ш. Рашидов.

На пленум собрались указания XX съезда

ПОКА ИДУТ БЕСПЛОДНЫЕ ДИСКУССИИ, ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В Нью-Йорке продолжает работу Комиссия ООН по разоружению. На комиссии возложена большая и ответственная задача: разработать согласованные предложения по вопросу о разоружении. Нужно ли доказывать, что эта проблема имеет чрезвычайно важное значение для судеб миллионов людей всех стран мира?

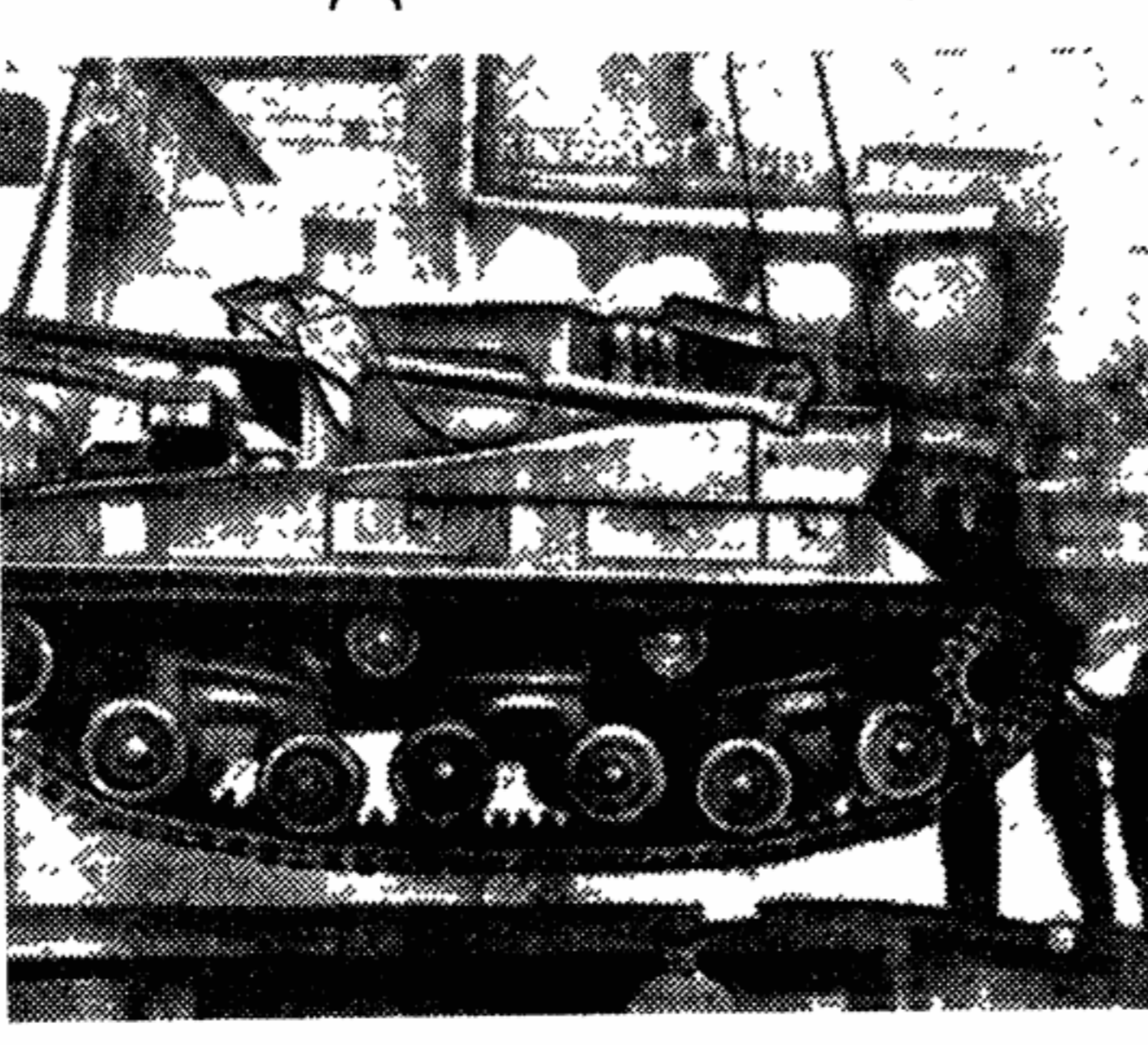
Однако внимательный наблюдатель, давно следящий за работой этой комиссии, начинает испытывать все большее чувство разочарования. Становится ясно, что за многословными выступлениями представителей западных держав по этому вопросу скрывается нежелание добиться реального сокращения вооружений.

Советский Союз объявил о сокращении вооруженных сил на 1.200 тысяч человек. Это

ли не самое лучшее доказательство истинных намерений великой державы! Однако в комиссии снова раздались недобрые голоса: это, мол, одностороннее действие Советского Союза. Но разве что-нибудь мешает западным державам, если они действительно хотят разоружения, последовать примеру Советского Союза?

Пока в ООН ведутся дискуссии на тему о разоружении, гонка вооружений в США и других странах продолжается. За пять последних лет Соединенные Штаты израсходовали на военные цели громадную сумму — 240 миллиардов долларов. Эта сумма — лакомый кусочек для американских военных монополий.

Мы публикуем сегодня несколько материалов, отражающих сложившееся положение.

Выгрузка американских танков «Шерман IV» в порту Бремена. Танки и другое оружие предназначены для западногерманской армии. Снимок из западноберлинской газеты «Дер абенд»

Фанатизм и политика

Б. ЛЕОНТЬЕВ

2. Отказ от реализма в американской внешней политике приводит к лишним тревогам человечеству. Фанатичная ослепленность еще никогда в истории не приносила добра, независимо от того, продвигалась ли она слепой ненавистью к «неверным» (христианам или мусульманам) или яростным «антикоммунизмом». Между прочим, характеризует дипломатический курс госдепартамента США, один из американских обозревателей сравнил его именно с нетерпимостью эпохи Крестовых походов: «Далее не желает пожать руку неправедным, пока они публично не откажутся и не признаются в своих грехах».

Но прежде всего этот курс принес огромный вред международному престижу США. Сама американская пресса буквально пеет признаниями этого факта. Об этом говорят и некоторые крупные государственные деятели. Это с изрядной долей иронии констатирует и печать других стран.

«Накапливаются указания на то, — писала в июне такая консервативная, антикоммунистическая газета, как «Нью-Йорк геральд трибюн», — что Москва удается поставить США в явное невыгодное положение во всемирной борьбе «за людские умы». Автор статьи Драммонд объясняет это серьезным различием двух курсов политики. «Советский Союз», — пишет он, — за последние два года предпринял целый ряд действий в направлении неагрессивного сосуществования, которые произвели на многих благоприятное впечатление. Это не слова, а дела... Действия же США «создают впечатление, что мы усиливаем напряженность и затягиваем холодную войну».

Лидер демократической партии, один из возможных кандидатов этой партии на предстоящих президентских выборах Эдлай Стивенсон с несколько наигранным недоумением восклицает: «Это трагическая ирония, что на Америку, которая всегда боролась за мир, свободу и независимость, смотрят, как на военную угрозу, и считают противницей национальных чаяний». Причины этой «трагедии» понятны. Яростный фанатизм руководителей внешней политики США привел как раз к тому, что они стали врагами и мира, и свободы, и независимости других стран.

Ущерб, который несут Соединенные Штаты в результате этого курса, выражается не только в растущей непопулярности США. Это было бы еще, как говорится, «подгоря», если бы неприятная всем другим государствам американская политика все же приносила какую-то пользу самим США или по меньшей мере помогала им достигнуть тех целей, которые ставят перед собой тот же госдепартамент.

Оказывается, нет, цели достигнуть не удается. Обстоятельный обзор неудач, к которым приводит ослепленность и фанатизм на международной арене, дал недавно американский дипломат Честер Боулс. В статье «За «новый реализм» во внешней политике», опубликованной в журнале «Нью-Йорк таймс» 20 мая 1956 года, Боулс перечисляет факты недавнего прошлого, которые, кстати говоря, в значительной мере характеризуют и сегодняшний курс США.

«В какой мере мы были реалистами, предполагая, что разлагающееся правительство Чан Кай-ши, базирующееся на феодально-помещичьем землевладении и обанкротившемся руководстве, может сдержать революционное движение китайского народа?» — спрашивает Боулс.

«В какой мере мы были реалистами, предполагая, что коммунистов можно оставить в Индо-Китае, даже используя одну из самых способных профессиональных армий?»

«Насколько мы были реалистами, предвзвешивая после корейской войны 99 процентов нашего национального бюджета безопасности, составившего 146 миллиардов долларов, на нужды военной обороны или оборонные мероприятия и выделяя на мероприятия по оказанию помощи половине человечества?»

И в том же ироническом стиле Боулс называет еще с подлинными грустными пророчествами американской внешней политики, касающихся войны в Корее, вооружения Пакистана, поощрения колониализма в Африке. Он считает нереалистичным «ставить на карту не только престиж США, но и вопрос о мире или войне, из-за двух мелких островов, расположенных в нескольких милях от побережья Китая...»

Из этих высказываний видно, что и в Соединенных Штатах есть люди, ясно сознающие, что фанатичная ненависть к коммунизму и безрассудный «антикоммунизм» (под которым на самом деле скрывается отрицание права народов на свободу и самостоятельную жизнь) — плохие советчики во внешней политике. В Соединенных Штатах идут споры вокруг этой проблемы, и трезво мыслящие люди призывают к благоразумию. Однако таких людей буквально предают анафеме.

Вот лишь один пример подобной пошлости.

«Я не вижу никаких причин, по которым между Соединенными Штатами и Россией не должны быть установлены удовлетворительные и обнадеживающие отношения, несмотря на сохранение теоретического конфликта между их соответствующими социальными системами и политическими философами», — заявляет Беннан, бывший американский посол в Советском Союзе.

Ему отвечает другой бывший посол США в нашей стране, небезызвестный фанатик Буллэт:

«Мы не можем превратить тигра в кошку в результате того, что будем гладить его. Мы можем застрелить его. Мы можем держать его в огненном кольце, пока он не струсит и не побежит. Важнейшим обязательным фактором нашего существования является сохранение нашей способности в любой момент обрушить на Советский Союз гораздо больше ядерных взрывчатых веществ, чем Советский Союз может обрушить на нас...»

И оба эти высказывания напечатаны в одном и том же номере журнала «Юнайтед Стэйтс нью энд Ворлд рипорт» от 29 июня.

Даже по свидетельству деятелей, разлагающихся политических взглядов и идеологии правящих кругов США, американская политика терпит неудачу именно из-за того, что идеологический аспект берет верх над политическим реализмом. Соединенные Штаты не добились избранных им целей при решении важнейших вопросов мировой политики: этому помешали фанатизм руководителей американской внешней политики, их нежелание считаться с реальностью.

И тем не менее сейчас, летом 1956 года, виднейшие государственные деятели США снова яростно обрушивают весь свой ораторский, пропагандистский пыл на левый фронт коммунизма, на внутренний фронт Советского Союза, на внутренний фронт социализма и демократии. Поиск путей для организации более нормальных отношений между государствами земного шара, что и составляет задачу дипломатии, они подменяют прославлением системы капитализма и «оспорением» коммунизма.

Известный обозреватель Липшман, не одобряющий этой тенденции, писал на днях в «Нью-Йорк геральд трибюн», что «государственный секретарь превратился в главного пропагандиста и под фанатизм самой широкой гласности использует государственный департамент как орудие психологической войны». По его мнению, это приводит только к тому, что Даллес «подорвет свой собственный кредит», ибо «случайному государственному секретарю следовало бы держаться в стороне от вопросов пропаганды, от позаных забот о внутреннем строе других стран».

По нашему мнению, поведение ведущих дипломатических работников США свидетельствует не только об их заблуждениях, об их отречении от правил и традиций дипломатии. Оно говорит о слабости американской внешней политики, о беспомощности ее вдохновителей.

Они не могут противопоставить никакого конструктивного решения важнейших международных проблем тем решениям этой проблемы, на которых настаивает Советский Союз. Они не в силах опротестовать принятую уже многими государствами идею сосуществования различных социальных систем на земном шаре. Соединенные Штаты Америки оказались в одиночестве в своем сопротивлении сосуществованию и деловому сотрудничеству всех государств. Их изоляция с каждым днем увеличивается.

И в этих условиях руководители американской внешней политики хватаются за соломинку. Им кажется, что они смогут продолжить «холодную войну», если бросят все силы на пропаганду против системы социализма, на восхваление строя капитализма.

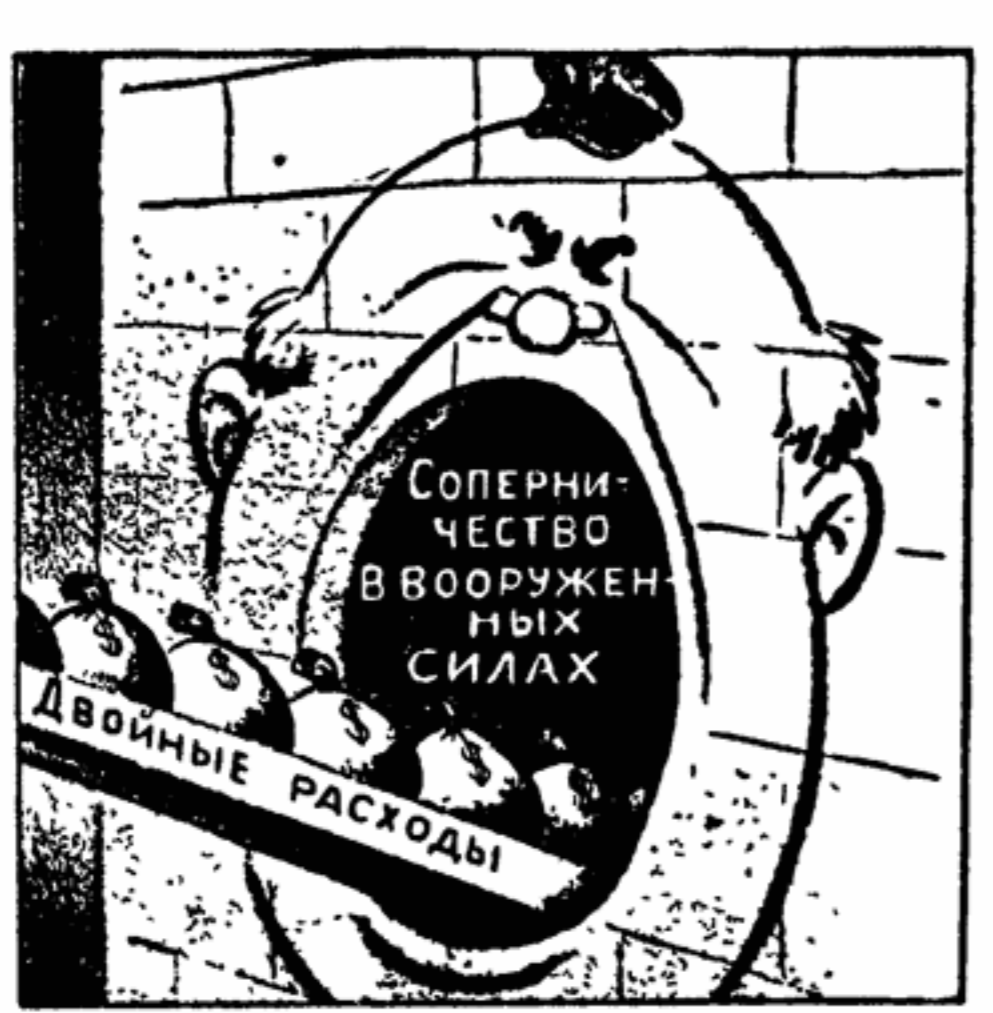
Но и здесь их поджидает тяжелое поражение.

В споре рождаются... новые расходы

В Вашингтоне идет жаркий спор. Спорят представители трех видов вооруженных сил — армии, авиации и флота. По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», это не какие-то «междоусобные пререкания», а разногласия в вопросе о «философском и моральном подходе к самой войне».

Военно-морские деятели, например, расхваливая авианосцы, утверждают, что последние «представляют собой основную контрсилу в термоядерной войне». Представители авиации, в свою очередь, считают своим долгом утихомирить морское ведомство. «За шесть часов авианосец, идя на предельной скорости, — говорится в одном из докладов ВМС, — покрывает расстояние, которое реактивный самолет преодолеет минут за двадцать». Менее щепетильные критики называют авианосцы попросту «неподвижными утками». А представителям армии приходится совсем плохо — тех клюют заступники и авиации и флота.

Однако в основе столь возвышенных разногласий «философского и морального» порядка лежит куда более земная причина. Весь сыр-бор загорелся в связи с обсуждением в конгрессе ассигнований на вооруженные силы. Правительство предложило на текущий финансовый год военный бюджет в размере 33,8 миллиарда долларов, что на 1,750 миллионов

больше, чем в прошлом финансовом году. Но даже такое увеличение ассигнований кое-кому показало недостаточным. Из Пентагона спор перекинулся в стены конгресса.

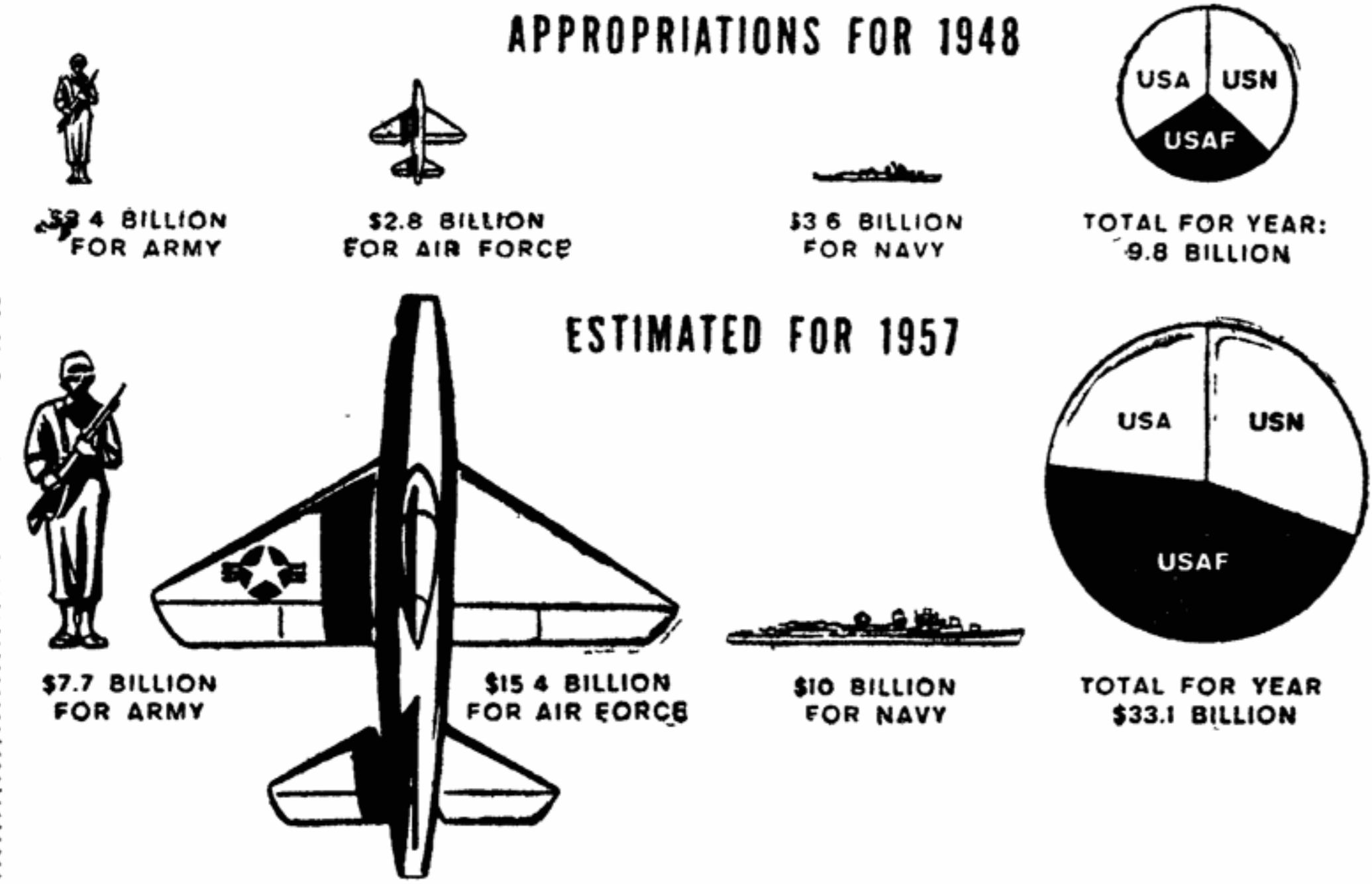
Удивляться тут нечему. Ведь за спором о превосходстве того или иного вида вооруженных сил стоит американские промышленные монополии, в карман которых потекут доллары от новых военных заказов. Вот один из примеров. В мае с большим шумом проходили заседания специальной сенатской подкомиссии по вопросам авиации. Члены подкомиссии и вызванные «свидетели» из всех сил

пытались нагнать страху на конгрессменов, распространяя о некоей «угрозе», якобы существующей ввиду прогресса советской авиационной техники. Диржируя заседаниями подкомиссии сенатор Сайминтон, который был министром авиации при президенте Трумэне. До этого Сайминтон возглавлял правление компании «Эмерсон» электротехнической промышленности — поставщика оборудования для военно-воздушных сил. Сайминтон предложил сенаторам увеличить бюджет военно-воздушных сил, и без того достигший 15,6 миллиарда долларов, еще на 1160 миллионов долларов. Конечно, не безнравственно желание услужить своей компании руководило сенатором Сайминтоном. Сенат одобрил, а президент Эйзенхауэр скрепил своей подписью это увеличение. Что, как говорится, и требовало доказать.

Говорят, что в споре рождается истина. Быть может, это и так. Но нынешний спор в Вашингтоне рождает лишь новые военные ассигнования, новые налоги на трудящихся, новые заказы военно-промышленных корпораций, то есть то, что называется гонимой вооружением.

Примерно так смотрит на нынешний спор в Вашингтоне и художник Гессе из американской газеты «Сен-Луис глоб-демократ», рисунок которого мы здесь воспроизводим.

Эта схема, взятая из американского журнала «Лайф» от 25 июня 1956 года, наглядно показывает рост военных расходов США с 1947—48 по 1956—57 финансовый год. Сверху надпись: «Ассигнования на 1948 год». Цифры в верхнем ряду свидетельствуют о том, что тогда на армию, авиацию и флот было ассигновано 9,8 миллиарда долларов. Над нижним рядом подведена итаг: «Всего на год: 33,1 миллиарда долларов». Действительность, впрочем, превзошла расчеты «Лайфа». Подписанный президентом Эйзенхауэром 3 июля законопроект ассигнует на военные расходы 34.656.727 тысяч долларов!

«Незаметно пролетая последние учебные дни в школе. Фатма радовалась своим отличным успехам, хотя какая-то скрытая печаль таилась в ее глазах. Хотелось продолжить учебу, но девушка опасалась, что это стремление останется только мечтой».

Фатма живет в селе Кочан Пиринского края. Здесь, рассказывает газета «Народна младеж», много болгаро-магнетских сел, где еще до сих пор живучи различные предрассудки. Вот почему юным и девушкам приходится иногда бороться за право избирать путь в жизни.

Вместе с Фатмой решили ехать в Пловдивскую гимназию еще две девушки. Но родители не отпускали их.

ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Ранним утром две фигурки, крадучись, вышли из села. На шоссе их ждал учитель Ибраим, чтобы отвезти в Пловдив. Третья девушка отец, догадываясь о предстоящем побеге, еще затепо увез в поле.

Жену принялись подруги за ученье.

«Все было, как в сказочном сне, до тех пор, пока однажды за Фатмой не явился отец. Как ни умоляла Фатма оставить ее в гимназии, он не соглашался и увез дочь обратно в Кочан».

Снова надели на нее паранджу, повзвали черным платком, заставили сидеть дома. Но все же по вечерам Фатма тайком бегала в школу за книгами. Они вселяли в сердце девушки надежду на возвращение в Пловдив.

ЭТО ЖЕЛАНИЕ ОСУЩЕСТВИТСЯ!

«Народна младеж» — Болгария

Как-то Фатме пришлось услышать от стариков историю Стефни Сабчевой, первой учительницы в Кочане.

«Болгары-магнетские встретили учительницу враждебно. Кто эта женщина, которая дерзнула вмешаться в их жизнь, нарушить их вековые традиции? Проработав три года, Сабчева умерла от тяжелых душевных страданий. Но в это короткое время она заслужила любовь крестьян, которые доверили ей своих детей».

Как хотелось Фатме быть такой, как Сабчева! И Фатма верит: «Рано или поздно крестьяне уступят, примут науку, убедятся, что и девушки могут учиться». Желание Фатмы осуществится!

Н. ВЕТОШКИНА Талант в мире бизнеса

Великолепный «ванингхэм» на бешеной скорости мчит миллионер Дуга Волрат по ровным шоссе американских штатов. В это утро 1925 года Дуг встал с ощущением своего всемогущества, с сознанием, что нет предела тому, чего он может достичь в жизни. Он знает: каждый дюйм этих просторств принадлежит ему и все, что ни затевает он, неизменно кончается удачей.

С первых же страниц появления Волрата в романе Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой» вводит нас в атмосферу Америки двадцатых годов нашего века, Америки периода бурного «просперити», когда, как говорит автор, «все мы жили, словно в заколдованном сне, веря, что нашему экономическому процветанию нет предела». И хотя этот сон оборвался кризисом 1929 года, но в те дни, с которых Уилсон начинает историю своих героев, признаков неблагоприятности еще нет и в помине.

Провинциальный американский городок Уакерс. Здесь, в небольшом ремонтном гараже, живут и трудятся над своим изобретением Кен и Дэйв Маллори. На протяжении всего романа автор не выводит героев за пределы городка. К решительному столкновению с жизнью в мире большого бизнеса герои подводят лишь конец романа. Не сразу это столкновение породит творческий разлад и отчуждение между братьями, связанными глубокой любовью и творческим сотрудничеством. В затерянности маленькой «лаборатории», где созревала идея, знаменующая важный скачок в развитии электротехники и радиотехники, есть своя неслучайный смысл. Один на один в борьбе с бизнесом выйдут изобретатели отстаивать независимость своей идеи, и никто им в этом не поможет.

Роман «Брат мой, враг мой» принадлежит к числу тех явлений литературы, вокруг которых долго не утихают разговоры читателей, споры критики. В нем не одна, не две, а несколько тем, и каждая находит путь к уму и сердцу читателя. Первая

часть книги вышла в свет, стала жить своей, отдельной от автора жизнью и, хочет этого автора или не хочет, говорит много больше того, что он наметил в ее замысле. Впрочем, это и есть первый признак удачной художника. Уилсон — комментатор собственной книги слабее Уилсона-художника. Только поэтому, знакомая читателям с замыслом романа в своих «Заметках о романе «Брат мой, враг мой», он может настаивать на том, что главное в романе — «это борьба двух разных мировоззрений, происходящая в душе большинства американцев», отказываясь видеть прямую зависимость этой борьбы мировоззрений от определяющего ее социального фактора.

Но побеждает художник. Не только из основных слагаемых сюжета, но из всей идейно-психологической сущности романа читатель постепенно открывается, что и трагедия разрушенной дружбы и любви, и трагедия изобретателей, у которых бизнес «вынимает мозги и высасывает душу», и трагедия людей, убиенных в себе творческий инстинкт, — во всем этом одна и та же причинная связь. Дэйв, Кен и их сестра Марго, с одной стороны, капиталист Волрат и хищники помещь — Бэннермен и Брок, с другой, — в этих образах олицетворены в романе силы, противостоящие друг другу в жизни. Борьба между этими силами порождает новые конфликты, новые трагические коллизии в отношениях людей.

Сколько роковым для «юной тройцы» оказалось то утро, когда машина Дуга остановилась у их гаража для заправки бензином! Встреча Волрата с Марго потянула за собой в гибельный водоворот судьбы идеи братьев, как и судьбу всей этой дружной маленькой семьи.

Образ Дуга Волрата надолго останется одним из удачнейших в американской литературе образов современного американского бизнесмена. Бизнес для Дуга — своего рода спорт, без которого просто немалое хорошее самочувствие. Это — состязание на скорость, проверка своей удачливости и способностей в погоне за новыми прибылями, в этом азарте своеобразно утвер-

ждение бизнесмена в жизни. Иногда Волрат охватывает мучительный страх — ему кажется, «он умрет», если чего-то не успеет сделать раньше других. Чего же именно? Он не знает. Он умеет только гнаться вперед, не давая отбояться себя. «Съешь другое, не давая отбояться себя» — этот закон капитализма делает Волрата тем, что он есть, — хищником, непроницаемо равнодушным к людям.

Но образ этот разносторонен и противоречив. Любовь к Марго проясняет многое во внутреннем мире Волрата. Отношения Волрата и Марго напоминают подчас игру кошки с мышью. Но он инстинктивно держится за Марго — она единственный человек, который может уберечь его от страхов, ей, только ей, он кажется хорошим. Только Марго, подавшись слабости, он открывает гнущую его тоску. Деньги, их власть не дают ему счастья. И в благодарности за успокаивающую ложь Марго Волрат делает то, чего не хотел, — принимает решение обвенчаться с Марго. Впрочем, в этом браке он видит прежде всего «выгоду для себя».

Характерно, что и Волрата, которого можно определить, говоря словами Горького, как представителя «ничтожного племена людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать», Уилсон наделяет тоской по творчеству.

По глубокому убеждению автора, каждый человек наделен инстинктом творчества, и тероп роман как бы поделены на тех, в ком творческий инстинкт сохранен как драгоценный дар и получил развитие, и тех, кто либо потупил его в себе, отдавшись стужательству и эксплуатации других, либо стал жертвой этой эксплуатации.

На вершине творческой одаренности — Кен и Дэйв Маллори. Где-то о нем и ним — Марго. Ее мечта о лучшей жизни, ее поддержка и вера в их идею, в их победу питают творческое сотрудничество братьев. Соединяет их руки, Марго веда братьев вперед, к «золотой стране», в существование которой она верила с детства. Но из всех троих только одному Дэйв видна была на этом пути некая высшая цель.

Кен не менее талантлив, чем Дэйв, но по характеру дарования и по отношению к труду, к его цели, во всем отчается от брата. Дэйв никогда не боится потратить время, чтобы прийти к наилучшему решению той или иной задачи, — он методичен, он теоретик прежде всего. Кену больше по душе опыт, который сократит ему время. А время для него важно — оно приближает

его к конечной цели, к богатству, к такому количеству денег, что даже неизвестно, куда их девать». С каждой новой жизненной трудностью, с каждой неудачей в работе, когда, чтобы двинуться вперед, приходится возвращаться назад, ломать сделанное, вновь и вновь искать ошибку, — равнина в отношении братьев к творчеству заявляет о себе все настойчивее.

Дэйв любит брата и до поры до времени во многом ему уступает. Так, по настоянию Кена он заключает контракт с первой ищейкой, унавожившей в их изобретениях запахи прибыли, — Бэннерменом. Но практически ум Дэйв, тяга к творческой самостоятельности каждый раз будут спасать братьев от цепких лап бизнеса. Сашком трудно им будет приравнять ход тяжелой творческой работы к бухгалтерским книгам банкиров. И каждый раз ценой отказа в самом необходимом, ценой жизни впроголодь, лишь бы разделиться с долгами, Кен и Дэйв, пока еще рука об руку, будут твердо идти в одной цели — превратить в жизнь изобретение.

Их содружеству грозит разрыв тогда, когда обнаруживается, что в сходящей с ними области работают и другие изобретатели. Дэйв, как истинному ученому, это открытие приносит только радость — значит, их труд «не бессмысленная затея!» Кен это известие бросает в жестокие объятия Волрата. Только в союзе с крупным капиталом он видит возможность смести с пути своих конкурентов и первым получить патент на изобретение. Он жаждет миллионов долларов и монополии. Дэйв идет на компромисс — временный компромисс.

Так вошло в жизнь братьев то, против чего протестовала их Нортон Уолдес, скептически смотрящий на мир, где деньги стали общепринятым языком, а делать деньги — главной задачей жизни.

Возможно, в Дэйв глубже проросли семена того, чему учил его Уолдес. Он сумел усвоить лучшие традиции своего народа, влажющего немало в сокращении мировой технической мысли, а эти традиции поведлевали ему «быть передовым, быть новатором, делать природу менее враждебной человеку, создавать и развивать изобретения, которые меняют если не людей, то повседневную жизнь».

Дэйв еще неясно видит свой путь, но одно бесспорно: это будет, во всяком случае, прогрессивный путь. Не потому ли «уже в те времена в глазах Дэйв была тень предельной человеческой скорби»?

Едва столкнувшись с тем миром, который поджидал изобретателей за пределами их маленькой лаборатории в гараже, он уже понял: это будет путь борьбы и жертв.

Как-то не выжестся этот образ с тем, что увидел в нем Д. Гранин в рецензии на роман Уилсона «Новый мир», № 6. 1956 г. Лишь биологический инстинкт рассмотрел он в стремлении Дэйв: «созидание для Дэйв именно такого бы то ни было социального или даже общественного смысла».

Можно ли предвзвешивать образу Дэйв тот упрек, что «ни разу ему (да и Кену) не приходит в голову мысль о конечном назначении его труда»? Нет, нельзя. Не раз Дэйв в спорах с братом говорит, что не богатство влечет его, а радость созидания и в этом созидании — возможность «изменить мир для людей». Это не только сказано, это показано всем развитием образа Дэйв. Каждый шаг его, все его отношение к труду, к людям, к любви доказывает стремление построить свою жизнь по принципам, непохожим на те, что господствуют в окружающей действительности.

Утверждая, что стремлениями Дэйв движет «биологический инстинкт, средство сохранить равновесие в этом зыбком мире», рецензент не замечает, что слова «жизненный мир» определяют понятие социальной среды, а не биологической и что это понятие он заимствует из мироощущения самого Дэйв.

Можно, конечно, и по-иному, чем это сделал Уилсон, показать и социальную среду и социальное сознание героя. Но Уилсон показал это по-своему, и так, что критик после всех своих претензий, в конце концов, приходит к выводу, что «тяжелая власть денег над трудом ученого вскрыта течением романа со всей наглядностью и силой», что героический труд братьев Маллори, их мужественная борьба «позволяют понять душу талантливого американского народа». Чего же еще надо? Сказать, что все эти достоинства романа достигнуты писателем не через взаимодействие его образов со средой, значило бы зачеркнуть художественное значение романа.

Книга Уилсона заселена миром сложным,

противоречивым, открытые и узнавание которого приходит к читателю постепенно, как в жизни. Предметом особого рассмотрения может стать художественное мастерство писателя, сказавшего в особенной тонком психологическом рисунке переживаний изобретателей в процессе труда, в изображении любви, занимающей такое большое место в романе. Это уже сделано, и сделано интересно, в рецензии Д. Гранина, послужив, вопреки упоминанию выше рассуждениям о «несоциальности» Дэйв, доказательству полноты и цельности этого образа.

Убеждение, что творческий инстинкт определяет частую поступки людей, приводит Уилсона к выводу, что «цивилизация, которая не дает возможности удовлетворить творческий инстинкт, обидится людям слишком дорогой ценой». Не потому ли в пытаясь-реалиста и возникла потребность показать ожесточенную борьбу, какую приходится вести людям, наделенным творческой силой, в условиях этой неблагоприятствующей им «цивилизации»? Так или иначе, читатель благодарен художнику за то путешествие, которое он совершил в страну, где живут не только Волрат, но и такие ученые, как Дэйв, которые, может быть, не сразу, но постепенно в борьбе за жизнь своего изобретения, утверждают право на дог ученого не уничтожать, а создавать, строить лучшую жизнь.

Очень верно сказал Иоганнес Бехер: «Хорошо пишут о мире также и тогда... когда пишут обо всем том, что делает жизнь страшной. Поэт, который учит нас любить жизнь, учит одновременно и защищать жизнь и сохранять мир».

Книга Уилсона учит защищать жизнь, защищать все то, что делает ее стоящей.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. редактор!

Разрешите через Вашу газету выразить мою сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня в связи с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Стефан ЗОРЬЯН